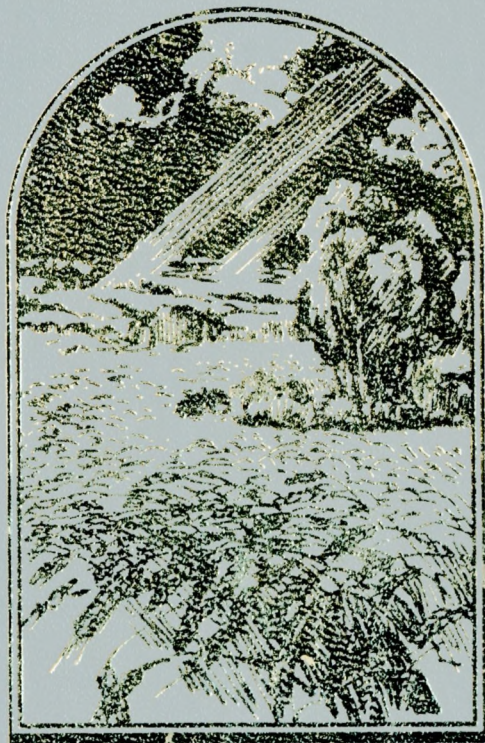

Федор Востриков У ПРИРОДЫ ЖИТЬ УЧУСЬ

Федор Востриков

У ПРИРОДЫ
ЖИТЬ УЧУСЬ

*Библиотека
Пермской
поэзии*

Федор Востриков

**У ПРИРОДЫ
ЖИТЬ УЧУСЬ**

стихотворения

Пермь
2011 г.

УДК 821. 161. 1-1

ББК 84 (2РОС = РУС) 6 - 5

В 78

Востриков Ф.С.

У природы жить учусь.

Стихотворения.

Пермь

ISBN 978-5-904890-16-2

Очередная книга поэта Федора Сергеевича Вострикова, члена Союза писателей России, лауреата Пермского края в сфере культуры и искусства, награжденного юбилейными медалями А.С. Пушкина и Г. К. Жукова. Его стихи публиковались в Екатеринбурге и в Тюмени, в Пскове и Петербурге, в Самаре и в Москве. Многие стихи положены на музыку пермскими композиторами Г. Терпиловским, А. Трухиным, Г. Нессеным, В. Тепляшиным и другими. В книге «И древняя, и будущая Русь» представлены переводы поэта с азербайджанского. Востриков ведет литературную студию «Тропа».

©Востриков Ф.С., 2011

СЛОВО О ПОЭТЕ

«В стихах Федора Вострикова есть подкупающее, очень важное качество – доброе доверительное отношение к людям, природе. Перед нами поэт не только со своим голосом, но и своей темой...»

*Владимир Радкевич, поэт,
г. Пермь. 1977 г.*

* * *

«Глубокая привязанность к родному краю, к отцовской земле чувствуется в каждом стихотворении. Точность, естественность мысли. И вместе с тем органично выступает скромность автора, его характер. Такое по плечу настоящему поэту».

*Алексей Молчанов, поэт,
г. Армавир. 1979 г.*

* * *

«Очень хорошие, ароматичные стихи я прочитал в «Звезде»... Так что, поздравляю с великолепной поэтической подборкой! Вы абсолютный кандидат в члены СП СССР!».

*Евгений Пермяк, писатель,
г. Москва. 1980 г.*

* * *

«Мягкость, человечность, народность стихов Вострикова, его пейзажи, то по-пластовски яркие, то графически четкие или дымчато-нежные, русские характеры, не придуманные, не вычитанные, – все это будет бесконечно близко и дорого любителям настоящей поэзии».

*Алексей Решетов, поэт,
г. Березники. 1981 г.*

* * *

«Стихи Ф. Вострикова – это откровение. И хорошо, к тому же, что они, как правило, напевны, музыкальны. Таким образом, и по форме, и по существу перед нами – певец добра и любви. И это ценно!».

*Николай Вагнер, писатель,
г. Пермь. 1983 г.*

* * *

«Стихи Ф. Вострикова – та же тропа в добрый, светлый мир истинных человеческих ценностей. Он сумел не расплескать душу, сохранил глубинное родство с самосознанием народа, его мудростью и нравственными устоями сохранил по-рубцовски «самую смертную связь» с родной землей».

*Валентина Телегина, поэт,
г. Пермь. 1993 г.*

* * *

«Все добрые дела, поступки, стихи поэта помогают людям жить, смотреть в будущее с оптимизмом, менять свое мировоззрение, делать выбор, определяющий всю дальнейшую судьбу».

*Иван Гурин, писатель,
г. Пермь. 2002 г.*

* * *

«А какая природа у него в стихах! Наша – скромная, прекрасная неприметной, строгой, порою суровой русской красой. А какая великолепная у него степь! Я намеренно не цитирую этих стихов – возьмите, почитайте и увидите сами, и многие будете согласны, и восторг, и восхищение».

*Галина Дробинина, поэт, литературовед,
г. Пермь. 2005 г.*

* * *

«Его стихи современны, глубоки по содержанию, остро задевают чувства, порою до «комка в горле», заставляют думать, мыслить и страдать вместе с поэтом».

*Виктор Маликов, полковник,
с. Алексеевка, Самарская область. 2005 г.*

* * *

«Поэт покоряет трепетным отношением к женщине, высоким чувством любви к Родине, поражает огромной человечностью. А с каким знанием природы он пишет о временах года!».

*Наталья Кибак, учитель,
г. Минск. 2006 г.*

* * *

«Федор Востриков – откровенный поэт, поэт от земли русской. Читаю его «Остуду», восхищаюсь стилем письма, некрасовским отношением к людям, природе. А с каким вдохновением и любовью написаны стихи, посвященные друзьям. Только человек большой души может так писать. Читаю студентам Петербурга, Москвы, Пхеньяна, Пекина, его стихи, посвященные защитникам Родины».

*Людмила Попова, преподаватель
университета, г. Оренбург. 2007 г.*

* * *

«Без малой родины поэт себя не осознает. Также не представляет себе он и русского человека без России. Его творчество достойно пристального внимания и изучения. Он стал первым российским поэтом, кто в своем

поэтическом сборнике «Толстой и степь» осветил пребывание Л.Н. Толстого в Самарском заволжье. В творчестве поэта много благодарных и благоговейных строк и о Пушкине, и о Есенине...».

*Надежда Гоголева, директор
Алексеевского краеведческого музея,
Самарская область, 2007 г.*

* * *

«Федор Востриков работает в русле классической поэзии, в том русле, в котором творили Пушкин и Тютчев, Кольцов и Никитин, Есенин и Рубцов ... Воистину спасибо русской земле, что она еще не перестала таких талантливых поэтов рожать, как Востриков. И спасибо самому Федру Сергеевичу за его волшебные стихи. Когда я в плохом настроении, то душа моя всегда просится к стихам этого замечательного поэта, и я, окунувшись в его поэтический мир, наполненный светлыми образами прекрасных людей, щедрыми красками родной земли, снова обретаю покой, уверенность в себе и желание творить!».

*Владимир Герасимов, поэт,
Академик Русской Академии. Полковник,
участник ВОВ, г. Москва. 2007 г.*

* * *

«От маленькой спички загораются вички и в костер превращаются, так и ты, Федор, как Прометей, зажигаешь лучики света в душах талантливых детей. И их костер, который ты разжег, к тебе их славой возвращается!».

*Елена Спешилова, писатель, краевед,
Александр Курсанов, краевед, редактор,
г. Пермь. 2008 г.*

* * *

«Не знаю, смогу ли вернуть хоть толику радости, привнесенную в мою жизнь, такими людьми, как вы, создается будущее России!».

*Анна Тимофеева, художник-график,
г. Москва, 2008 г.*

* * *

«Поэзия Ф.Вострикова многогранна, и всё в ней важно и ценно. И всё потому, что сердце поэта стучит в унисон с сердцебиением его великой многострадальной России».

*Инесса Шашарина, учитель, литературовед,
г. Самара, 2009 г.*

* * *

«Стихи Ф. Вострикова удивили меня своей поэтичностью, музыкальностью, песенностью.

После его стихотворения «А помнишь, ты пела Булахова мне?» я запела. Всю жизнь пела и пою песни и романсы классических композиторов. А теперь с удовольствием пою и стихи Фёдора, положенные на музыку пермскими композиторами».

*Лора Безгодова, певица,
г. Пермь, 2009 г.*

* * *

«Не перестает удивлять своей творческой плодovitостью известный пермский поэт Федор Востриков. Только за последние несколько лет на нашем земляке написаны сотни стихов. И в каждом – напряженный духовно-нравственный поиск ответов на вопросы, которые ставит, да и всегда ставила перед художником слова российская действительность... И все-таки не сдается поэт, опорой которому служит любовь к отчему краю, к великому русскому языку, к славной истории и родниковой культуре народа... В этом – истоки силы и магнетизма его поэтического слова».

*Владимир Шитов, журналист, редактор,
г. Пермь, 2010 г.*

Я оттуда, где травы
Сами вьются в венки.
Птицы музыкой правят
Пьют росу колоски.
И над речкой ракиты,
И деревни вдали,
Где Кольцов и Никитин,
И Есенин – свои.
Хлеба столько родится,
Что со всех волостей
Мы на жатву трудиться
Приглашаем гостей.
Хоть и сами с усами –
Труд в сердцах отродясь,
А с землею – веками
Неразрывная связь.
То посев, то уборка –
Льются песней одной.
Словно хлебные корки,
Руки высушил зной.
Не отмокнут до смерти
Ни в росе, ни в воде.

Вечно, как в круговерти,
Люди тонут в страде.
Грусть и добрую радость
Меж собою деля,
Урожай, как награду,
Ты дари им, земля!
А беду и печали
Не поставь им в вину.
Только раз разлучались,
Да и то – на войну...
Улеглась непогода.
Поле пахарей ждет.
Без такого народа
Жизнь – сплошной недород.
Ни тропинки, ни брода,
Добрых дел не свершить.
Без такого народа
Мне стихов не сложить.

* * *

Мой отец хлебороб-землепашец.
Мы во всем повторяем отца.
И в роду нарастающем нашем
Землепашцам не будет конца.
Мы горды этой верой по праву,
Нас нельзя оторвать от земли.
В эту землю выросли мы, как травы,
Даже глубже – сердцами выросли!

ЗАВОЛЖЬЕ

I

Заволжье дальнее, родное!
О, как ты в памяти светло!
Звенит во мне травой степною
В рассветах розовых село.
Звенит, горланит петухами...
Ая иду с косой в луга,
Встают шлемастыми стогами
Речушки Съезжей берега.
Проснулся ветер и в крушине
Легко листвою прошуршал.
И, словно желтые кувшинки,
Утята скрылись в камышах.
Зеленый взор открыло поле,
Трещит кузнечик-чародей.
Бессменный конюх дядя Коля
С ночного гонит лошадей.
Взмахнул косой по травостоя –
И в сердце хлынуло тепло...
Заволжье дальнее, родное.
О, как ты в памяти светло!

II

Мне Заволжье дорого и свято
За деревни в золоте хлебов,
За просторы, пахнущие мятой,
Молодых, полуденных лугов,
За речушку в раме камышовой,
В заводях зарницы перелив,
Летних троп ромашковые брови
И грустинку августовских ив.
Мне Заволжье дорого и свято
От полей до первого плетня.
С этих мест, волнующих когда-то,
Началась Россия для меня.

РАТНИКИ

От черного голода пухли
И мерзли в метельном аду.
Не кланялись вражеской пуле,
От ран задыхались в бреду.
Заводы в тылу воздвигали.
По тридцать часов у станка
Не сутки, а годы стояли
От юношей до старика...
Ни голод, ни холод, ни войны
Людей одолеть не смогли.
По жизни суровой достойно
Тяжелую ношу несли.
Из пепла, из дыма восстали.
От пашен до звезд поднялись.
С руки нам – и хлебные дали,
И неба дремучая высь!

РОВЕСНИКУ

Тогда нас не было с тобой,
А ведь такие годы были:
Солдаты на смертельный бой,
Как на работу уходили.
Земля в крови, земля в огне.
Как раны рваные окопы...
В могилах братских в тишине
Солдаты спят в полях Европы.
О, Русь, ты горе, как вдова,
Душой, не старясь, выносила...
Но память до сих пор жива,
И в ней и боль твоя и сила!

ВДОВА

Спина, как серп, у бабы Катерины.
Хлебнула бед за век дремучий свой:
Из Курска муж, а сын из-под Берлина
Вернулись похоронками домой.
Кого угодно боль такая свалит.
Она не помнит, как пережила.
Лечили раны ей ржаные дали
Да бабки-вековухи из села.
Родных солдат, войною убиенных,
Вдова не забывала ни на миг.
Как трудно было Родине – в три смены
И за себя трудилась, и за них.
Когда луна калитку припорошит,
Выплакивала горюшко ветле.
И незаметно, как под тяжкой ношей,
Все гнулась, гнулась к матушке-земле.
Во сне себя красавицей видала,
А рядом парень – вороха кудрей!
О, как она мучительно страдала,
Старухой просыпаясь на заре.

Смахнув слезу рукою крючковой,
В корыто снова пичкала белье...
А со стены, не старясь, два солдата
Смотрели виновато на нее.

В ВЕЧНОМ КАРАУЛЕ

Его схватили у деревни Клин.
И грянул выстрел в суходоле.
Упал солдат в российскую полынь,
В глазах навек застыло поле.
Но чтоб в пожарах не пылал рассвет
И не свистели злые пули,
Он встал в гранит, спустя десятки лет,
Над миром в вечном карауле.

* * *

Война убила сыновей,
Убила нерожденных внуков.
Пришла и старость без детей,
А без детей не старость – мука.
Да так и жили бобыли.
Восьмидесятый год начался –
Сначала бабку отнесли,
А следом и старик собрался.
Но все же горше оттого –
И есть ли в утешенье слово! –
Что не осталось никого
В селе из рода старикова,
Чтоб принести с родных полей
Цветы живые на могилу...
Война убила сыновей –
Род землепашеский убила.

* * *

Как ветер листья на ветле,
Перебирает время даты.
В чужой земле, в родной земле
Лежат российские солдаты.
И много весен, много лет
Лежат свершив святое дело:
В себя собрали черный свет,
Чтоб оставался белый – белым.

ОБЕЛИСК

Обелиск поставили в деревне,
На открытье стар и млад пришел.
Тоненькая веточка сирени
Поднялась на белый частокол.
Вспомнил каждый дорогое имя –
И зажглись рябинами венки.
И, скорбя, в молчании над ними
Головы склонили земляки.
И старушка сухонькая строго
Молвила, крестясь на обелиск:
«Ну, теперь спокойна, слава Богу,
Все в деревню детки собрались».

РУССКИЙ СОЛДАТ

Шагал вперед солдат во имя мира,
Не кланяясь фашистскому кресту.
Когда в бою не стало командира,
Он поднял взвод – и взяли высоту.
За ним, как тень, по свету смерть бродила:
Ползла за Одер, корчилась в дыму...
Его ждала славянка и любила –
До смерти ль было, смертному, ему?!
Солдат в бою солдатом оставался.
Но прежде чем вернуться в отчий дом,
В империи Германской расписался
Славянским историческим штыком.

ФРОНТОВИК

I

Ну фронтовик как фронтовик,
И ростом вроде невелик,
А путь прошел по свету долгий:
Начало было из-за Волги
Села степного одного
И ... до Берлина самого!

II

И ранен был. И был в плену.
Освобождал Берлин и Прагу.
Домой в победную весну
Пришел с медалью «За отвагу».
Вопросам не было конца:
Где был?
Что видел в дальних странах?..
– Не опозорил честь отца,
Не опозорил ветеранов.
А бой как бой. На то война.
Над нами вороны кружили.
Ну вот и все. А тут весна...
Но как же вы-то пережили?

III

За плечами юность и весна,
За плечами горе и война.
За плечами смерти близких,
Тыщи красноезвездных обелисков.
Да осколок вражеский в груди.
За плечами жизнь.
А впереди?..
Тяжкий труд горбатит плечи,
И друзья погибшие, и вечность...

ПОБЕДА

С. И. Горюнову

Вот видишь, мой друг, и дожили
До всплеска ручья, до тепла.
И птицы опять закружили,
И выткала листья ветла.
Хлебами запахло от пашен
Крестьянин извечно в строю.
Отечество славное наше
Встречает Победу свою.
На Волге, на Клязьме, на Каме —
Повсюду знамена цветут.
И пахарь и маршал с венками
К военным погостам идут.
А значит, и стрелы, и латы
Забуть мы вовек не могли.
Платили высокою платой
За боль и страданье земли.
За дедами шли, за отцами.
Их путь — как потомкам наказ!
А силы в борьбе с подлецами
Хватило и хватит у нас!

УЧАСТНИК БИТВЫ МИРОВОЙ

А.Ф. Никонову

Победный май, дай бог, удался –
Дымится небо синевой.
В моем роду один остался
Участник битвы мировой.
Живет во городе былинном,
Что Пешков-Горький воспевал.
Победу встретил под Берлином –
Из танка мир салютовал.
Всего хлебнул в пути тернистом,
Коль белый свет мертвел, как ночь.
В огне терял друзей-танкистов,
Похоронил жену и дочь.
Но в горе тягостном не спился,
А смертной хваткой вгрызся в жизнь.
Как в сорок пятом, в мир явился
Дерзать иные рубежи.
До сей поры работу любит,
На век, не ведая обид.
В душе хранит доверье к людям,
И «дым Отечества» хранит.

И также верно миру служит
Седой полковник-ветеран.
Но в ночь тревога душу стужит
Напоминая прошлых ран.
Что вновь на Русь ведут напасти
Творцы безумия и зла.
А новоявленные власти
Вершат недобрые дела.
Трясут бедою демократы,
Торгуя Русью, как собой.
Народы кличут лекторатом
Или быдластою толпой.
Не лекторат народ, а глыба –
В момент его взбугрят ветра.
О лжецарях рыдает дыба
С времен все сильного Петра!
Об этом воин помнит свято
И завещает молодым,
Что никому, как в сорок пятом,
Победу мы не отдадим!

ФАТЬЯНОВСКИЕ ПЕСНИ

На гулянье, в походе, на тризне
Русь Фатьянова песни поет.
Он, когда-то ушедший из жизни,
Как Есенин, в народе живет.
С детства выпеснил душу поэта
Вязниковский родной соловей.
Столько нежности, силы и света
В доверительной лире своей!
В ней простор и цветущие вишни,
И солдатская чарка, и дом.
Мы из песни фатьяновской вышли
И с фатьяновской песней уйдем.
Но потомки подхватят сначала
Освежающий душу мотив,
Будут петь от морского причала
До степных колосющихся нив.
Не забыть ни воителей павших,
Ни крестящихся молний в ночи,
Ни горящие рощи и пашни,
Ни огарочек русской свечи.
Не коснется по градам и весям
Звонкой лиры худая молва.
Если живы Фатьянова песни –
Значит, будет Россия жива!

* * *

Война закончилась давно
Напоминают обелиски.
Войну мы знаем из кино,
Да по живым рассказам близких.
Но в каждый год и в каждый миг,
Что зла война – не позабудем,
Ведь до сих пор родных своих
Еще по свету ищут люди.

* * *

Дождик мелкий. Мёрзнут ноги.
Лес нахохлился не зря,
С ним уже мы на пороге
Молодого ноября.
Хочешь, нет ли – зябко стало.
Чуть не зимняя пора.
Гонит в лес меня усталость,
А в обратный путь – ветра.
Вот в такой неразберихе
Я в лесу, как лист, мечусь.
В лес ходить не просто прихоть –
У природы жить учусь!

* * *

Чтоб не слышать ни лжи, ни брани
Я забираюсь в глухомани
Лесов, полей, просёлков, рек,
Чем жив пока что человек.
Судачу с птицами, с цветами
И с придорожными кустами.
Сижу до третьих петухов –
Тетрадка пухнет от стихов!
О чём стихи? – Об огороде,
О русской Матушке - природе...
Успеть хотя б в конце пути
Людей от зла и лжи спасти.

* * *

Год двухтысяча пятый. Январь.
Только начал худеть календарь.
Для народа страдальческий год,
Да к тому же с отменой льгот.
Ну, а что ж ожиревшая власть,
Вин заморских попившая всласть?
Неужель не поймет до сих пор,
Что над ней зависает топор?
Люди помнят кровавый январь...
Только начал худеть календарь.

* * *

Мне зла при жизни делали премного.
Творителей худого не кляню.
Они на помощь звали Сатану,
А я, как православный русич, – Бога!
Кто прав? И чья правдивее дорога?
А может есть какой-то путь иной?..
Врагу ответ держать пред Сатаной,
А мне, как ратоборцу, перед Богом!

* * *

Я солнца жду, а солнца нет —
В тяжелых тучах небо виснет.
Я стал седой, как белый свет,
И от всего я стал зависим.
От непогоды и нужды,
От воровской и сытой власти,
От взбунтовавшейся воды
Саяно-Шушенской напасти.
От боли тела и души,
От смерти радужного друга...
Ах, вечно б жили камыши,
Цвела и пела бы округа!..
Не будет так, коль белый свет
От всех и вся века зависим...
Я солнца жду, а солнца нет —
В тяжелых тучах небо виснет.

За мост, в прикамскую деревню,
В неделю раз и два хожу.
В предзимних стынувших деревьях
Успокоенье нахожу
От городской возни и склоки,
От телегнусного вранья.
А здесь вороны и сороки
Встречают радостно меня.
Стрекочут, каркают, взмывая,
Пятнают стаей дерева.
Я сердцем слышу и внимаю
Их поднебесные слова.
Они в строках моих теснятся,
Пусть крик не певчий, но родной.
Мне с ними проще объясняться,
Чем с либеральной шпаной.

КОРОВЫ

Деревенька вдоль речушки.
Петухи вовсю поют.
А коровушки-пеструшки
Травы сочные жуют.
Путь в луга им только ведом,
Наплевать на свет, на тьму,
Что им Путин, что Медведев,
Что Осетия в дыму.
Наплевать на жизнь державы,
Как на все мои стихи,
Лишь земля б рожала травы,
Да не пили пастухи!

* * *

К вражьей силе приклеиться проще.
А попробуй-ка Русь сохрани,
Как дыханье березовой рощи,
Как останно-осенние дни?!
Не кручинься зело, коль не сможешь,
Но покайся, хоть Русь не любя,
Знай одно: прослывешь как безбожник,
Будут кликать Мазепой тебя!

* * *

Борзописцы многие пытались
Очернить историю страны.
Как бы ни пытались, как бы ни бодались,
Да за ложь лжецами в вечности остались,
Как монах поведал: «В лапах Сатаны!»

* * *

Учили доброте отец и мать,
Учили школы, техникумы, храмы.
Тогда откуда ж – смертным не понять! –
Берутся воры, киллеры и хамы?..

Опять ударили поддых,
На этот раз в словесной драке.
Одних простили, а других,
Как зеков, бросили в бараки.
Вот и кумекай, и решай,
Как правят нынче «демократы».
В крови и тело, и душа,
До срока мрет в полях оратай.
И в ночь опять, как горе-грусть,
Больное сердце дума гложет:
Чужих врагов распяла Русь,
А вот своих – распять не может.

СТАРУХА

Счастье не сбылось –
На Руси разруха.
Нищих развелось...
Мимо шла старуха,
Прядь волос, как снег.
Проскрипела глухо:
«Обогрела б всех,
Да не хватит духа».

Брату Петру

Учитель стал не нужен власти,
Не нужен власти стал поэт.
Но мы же людям сквозь ненастье
Несли не тьму, а дивный свет.
Добру учили, чувству слова,
За честь и труд стоять стеной,
Любви к отеческому крову,
К земле, как к матери родной.
А что за мудрость получили –
С престола барского куски?
Видать, мы плохо власть учили,
Или глупы ученики?..
От деревень до стольных градов
Режим людей за горло взял.
И вот за подвиги – награда!
Как классик некогда сказал.

* * *

Посмотрел – и сердце кровью
Залилось. И не вздохнуть.
Обездоленной новью
Обескровлен людный путь.
Беднота в родимом крае –
Власть дарует нищий век.
Без работы умирает
Деревенский человек.
Нет свинарников, овчарен,
Скотоводство на нуле.
От вьюнка до молочая –
Вместо хлеба на земле.
Никакой с режимом связи.
А крестьянин голосит:
«Неужели Стенька Разин
Не родится на Руси?!»

МЕЛЬЗАВОД

I

Избушки, тая, сохнут, как ракиты.
Увидишь редко ласточек полет.
Не выйдет из могилы дед Никитич.
И баба Шура стопку не нальет.
Былых времен дожди отморосили
Теперь едва ли в памяти всплывет:
Откуда взялся Прохоров Василий,
Что зачинал в поселке Мельзавод?
Трудом, как ратоборец, озабочен,
Наш край любил и часто навещал,
А в православный праздник люд рабочий
Вином да песнопеньем угощал.
Народу хлеб ценней добра и злата,
Он знал, высокомудрый человек,
Чтоб Русь жила счастливо и богато...
Но сгинул в революции навек.
От гнусноликих лживых брадобреев,
Которых и сейчас невпроворот.
Стареет мир и Родина стареет,
А с ними и поселок Мельзавод.

Такое время грянет непременно,
Когда в пути от смерти не свернуть,
Сюда придешь, а предков незабвенных
Не будет с кем и чаркой помянуть.

II

Живет от века сельский люд
В лесном поселке живописном,
Где птицы вечно жизнь поют,
А песни – радугами виснут.
Почти над каждою избой
Сады поддерживают небо.
Поселок был и есть судьбой,
Работой, родиной и хлебом.
Гордился мельницей... Но вот
В демократическую пору
Ограблен славный Мельзавод
Очередным богатым вором.
Кого судить? Какую власть?
От грабежей и горя тесно.
В поселке жизнь оборвалась,
А ведь звенеть могла бы песней!

ПОЖАР

*Памяти погибших в «Хромой лошади»
в ночь с 4-го на 5-е декабря в Перми*

Петарды ткнулись в потолок –
Взметнулось пламя красной тучей.
И рухнул свод в огне трескучем,
Живое ядом заволок.
Стенанье, ад, переполох,
Сгорели люди. Мир оглох.
Наутро в СМИ: «Несчастный случай».
А тел обугленных не счесть.
Кому ж теперь держать ответы?
Перечеркнули злые светы
Славянский дух, благую весть,
Добро и долг, любовь и честь.
В сердцах убийц крутая месть,
Которой, словно златом, спеты.
Когда же свыше будут бдить?
Но правят балом псы и сводни:
Один пред Штатами угодник,
Другой Европы эрудит...
Пора державу пробудить,
Чтоб власть бесовскую судить
Судом народным и Господним!

* * *

У власти нет ответа,
Не знает, почему
В стихах борца-поэта
Не свет мы зрим, а тьму?
Не ведает, что снова
Россия слезы льёт.
Рыдая, Толкунова
О горяшке поёт.
Не знает, честь разрушив,
Как хлебных сёл уют,
Футбол, хоккей чинуши
За доллары сдают.
А люди мрут, как мухи,
По миллиону в год.
Того гляди в разрухе
Небесный рухнет свод.
И вновь на тухлой свалке,
Ведя неравный бой,
Бомжи, как псы и галки,
Враждуют меж собой.

* * *

Скорбит страна. Приспущены знамена.
В больной душе и ненависть, и грусть
Свиридовским хоральным перезвоном
Погибший люд оплакивает Русь.
Но где-то вновь теракты закипают,
Дрожит грядущим отчий окоем.
А власть скулит, подобно волчьей стае,
В бессилии бессовестном своем.

* * *

За болью боль готовит жизнь,
За горем вынужденным – горе.
Держись, дружище мой, держись,
Не раскисай в жестоком споре.
Когда проигрываешь сплошь
Великосветским сытым хамам,
Несущим людям зло и ложь
Свечой трясущейся во храмах.
Придёт возмездие, оно
Поднимет русичей толковых,
Во чьих очах отражено
Святое поле Куликово!

ОТЧЕМУ КРАЮ

Живи, мой славный отчий край,
Щедрей, размахистей, богаче.
И в тяжкий век не умирай,
Не заходись от горя в плаче.
Не так бы жить, как мы теперь,
В терактах тонем, в зле и в блуде.
Не счесть страданий и потерь,
Но как выдерживают люди,
Ежель с экранов день-деньской
Помои льют на Русь родную?
Народ, израненный тоской,
Толкают в пропасть, как в пивную.
Милее стал собачий лай,
Чем рык эстрадный под «фанеру».
Ах, бедный, славный отчий край,
Не потерять бы честь и веру.
Тогда не сдюжит нас беда,
Мы не докатимся до точки.
Придёт победа, но когда
В сердцах взорвутся эти строчки?!

Хворь, нужда, разбой, напасти
Из трущоб и градов прут.
Бедный люд на части рвут.
Только власть с особой страстью
Вопреки любим ненастьям,
Да приклеенные к власти
Припеваючи живут.
Стыд и совесть, честь и братство,
Всенародные права –
Неизвестны им слова.
Им бы ложь, войну, лукавство,
Баснословное богатство,
Иноземное гражданство –
Остальное трын-трава!
Эх, бы нам царя такого
Наподобие Петра,
Чтобы в клочья рвал ветра,
В жизни был всему основа,
Чтоб держал, как посох, слово.
Вёл вперёд народ бедово,
А в делах – в мороз жара!

И тогда бы мы не знали
Ни развал, ни СНГ,
Ни безумное ЕГЭ,
Ни в крови родные дали.
Мы тогда бы в рост восстали
На высоком пьедестале
В стольных градах и в тайге!

* * *

Зло творят совсем не люди –
Звери-нелюди творят.
Если власть такая будет,
Как в народе говорят:
«Вор на воре, хам на хаме,
В душах – черные дела,
То ослепнут лики в храме,
Замолчат колокола».
Мир лишится дара речи.
Стоном просит нас земля
Собирать народ на Вече,
Правды требовать с Кремля.
Для державы не пристало
Столь терпеть злодеев гнусь,
А не то девятым валом
Хлынет дедовская Русь!

* * *

В перерывах между снами
Разрывается душа:
То трещит, как лёд на Каме,
То стихает, не дыша...

* * *

Гвоздит безжалостно тоска.
Душа, как роща в ночь, угрюма.
Уносит в даль полей река
Моих тревог больные думы.
Волна то всхлипнет, то вспылит,
То зашипит на страх змеёю.
Река-то знает, что болит
Моя душа родной землёю.

* * *

Чрез тыщи взвихренных дорог
Кричу родной степи приветы,
Мол, без тебя в тайге продрог,
Терзают душу злые светы.
В ответ плывёт полынный шум,
Что ждут со мною доброй встречи...
От непокорных горьких дум
Не веселит земля, а лечит.

МАРГАРИТЕ

1

Спи, желанная, крепко спи.
Пусть, как в детстве, тебе приснятся
Табуны лошадей в степи,
За которыми не угнаться
Ни журавушке, ни орлу –
Только знойному суховею,
Что трясёт над рекой ветлу,
Сам пропахший насквозь кипреем.
Дух полынный вплетает в сон
Голос предков почти забытый.
Степь навек с четырёх сторон
Для потомков, для нас, открыта...
Спи, желанная, крепко спи,
Каждый выдох простора слушай.
Не бывал я давно в степи –
Сном твоим успокою душу!

2

Среди озер, заросших синей ряской,
Среди старинных вязов и осин

Твоя неумирающая сказка,
Твоё святое место на Руси.
Где щедрая кукушка накукует –
Живи два века, горюшка не знай.
Гляди и удивляйся, как ликует
В черёмуховом утре отчий край!
И мать идёт в улыбке светоносной,
И следом песня кружится легко,
И верится лишь в радостные вёсны –
До горьких вёсен очень далеко.
Я прикоснусь к таинственной осине,
Озёра голубые возлюбя.
Смогу ль твою почувствовать Россию,
Что б стать чуть-чуть поближе для тебя?

3

Чтоб душа наполнилась простором,
 Попрошу тебя я об одном:
 Ты напой мне песню ту, в которой
 Все о русском полюшке родном.
 Чтоб от пенья облако приветно
 Закачалось вдруг над головой.

И к вискам вихрастым незаметно
Прикоснулся ветер полевой.
Стёжка поманила бы по лугу,
Тонкая, как мамин поясок.
Чтоб в ладонях ощутить упругий,
Солнышком прогретый колосок.

4

Мы шли с тобой в синеющие дали,
Безбрежье травянистое любя.
А мужики глазами раздевали
Такую недоступную – тебя.
Ты сжалась вся, боялась обернуться –
Села, казалось, не было длинней.
Не дай-то Бог, как сеть, шелка порвутся
От спелости волнующей твоей.
Тобой любясь, я жалел едва ли
Сгорающих от страсти мужиков.
Мы шли с тобой в синеющие дали,
В безгрешные объятья васильков.

5

Ты лугом шла. В ромашках утопала,
Как реченька в березовом краю.
И даже не заметив, как попала
В каморку холостяцкую мою.
Глазами с поволокою и песней,
Звончей степного ветреного дня,
Как бы неожиданной, радужною вестью
Ты затопила грешного меня.
В судьбе моей свершила перемены
И превратила зимушку в весну.
Не суждено мне вырваться из плена —
Я у тебя в пожизненном плену!

6

Тебя веселой песнею назвал
Уже давно, в студенческие годы.
Я рад, что стали правдою слова,
Прошедшие сквозь время и невзгоды.
И песню эту в сердце берегу,
Шагая с ней пор миру голубому.
И только я лишь петь её могу
И никогда не спеть её другому.

Не брежу, не лукавлю, и не лгу,
Скажу, как есть,
Судьбою не гонимый, —
Пишу о женщинах не мной любимых,
А о тебе желанной, не могу.
Прости, родная, грешного меня
За честное прямое откровенье.
Но ты на век мое начало дня,
И лучшее мое стихотворенье!

ПИСЬМО

Получил письмо от друга.
В каждой строчке запах луга,
Веет речкой и осокой,
Волей синей и высокой.
Слышен птичий звонкий голос
И ржаной упругий колос...
Друг не просто строчки пишет,
А землёй родною дышит!

* * *

Сергею

Приехал с родины племянник,
Как будто дух полей принёс,
Дыханье зорюшек туманных
И всплеск родных лесополос.
Я с ним беседую и слышу
Рассветный шёпот камыша,
Как хлебный мир ветра колышут,
Как светит родиной душа!

* * *

Тополиный питомник. Река.
Суеются в реке облака.
Берег занят посёлком Ежи,
Где на крышах клубятся стрижи.
Будит трактором мир Летинец,
Главных дел землепашеских спец.
А пастух-анекдотчик Егор
Метит стадом полынный простор,
Где живёт, как река и жнивье
Конопатое детство моё!

* * *

Ветла. Цветы. Родник лепечет,
Светясь сквозь травы и камыш.
А на пригорке летний вечер
Закатом красит крылья крыш.
Дворы, крылечки и окошки
Усердно красит, не спеша.
Потом добрался и до стёжки,
До родника, до камыша.
И зарумянилось пространство,
Славянским ликом зацвело!..
Я видел это после странствий,
По возвращении в село.

* * *

Село утомонилось. Сгинул ветер.
Раскинул вечер звёздные крыла.
В пространство сено дышит из повети
Лугами незабытого тепла.
Ботвой усопшей тянет с огорода.
Казалось бы смирение и покой! –
Но в этот миг премудрая природа
Века сближает пушкинской строкой.

ВЕЧЕР

Вечер окна увлажнил,
Звёздами усыпал,
Ветер в липу уронил –
Шевельнулась липа.
Месяц жёлтый из-за гор
Выпустил на волю.
Оросил степной простор
И ржаное поле.
Вечер трудится не зря –
Знает крепко дело:
Чтоб зарёй земля моя
Вмиг помолодела!

РЕКА

Метаться на ветру за день устала.
Когда закат забылся от румян,
Прикрывшись камышовым одеялом,
Река во сны упала как в туман.
Наверно, ей, как женщине, приснится
Слеза-родник, откуда началась.
И первый человек, и зверь, и птица,
Что жажду ею утолили всласть.
Влюблённых пар светящиеся лица –
От поцелуев меркли холода!..
Пускай реке, как женщине, приснится,
Что в зной не пересохнет никогда.

* * *

Ночь зашторила окна
Грозовой темнотой.
Избы сонные мокнут –
Не спастись под ветлой.
Темень, тени и тучи
Побратались уже.
Землю мягкую пучит,
Словно тесто в деже.
Тут поставить бы точку,
Коль захочет поэт.
И над мрачною строчкой
Замаячится свет!

* * *

Берёзки вцепились кореньями в кручу,
Листвою свисающей пестуют тучу.
Рыбак не на удочку глазоньки пялит,
А вверх на берёзки. И вслух шепелявит:
« Не дай боже, ветер листвою займётся –
И туча тяжёлая с кручи сорвётся».

* * *

В степи с дороги можно сбиться,
Пожалуй, проще чем в лесу.
Туман лишь только задымится,
Как спрячет лесополосу.
Потом речушка растворится,
Камыш набросив на себя.
А там и птица испарится,
Прощальным криком протрубя.
Нахлынет мир потусторонний,
Возьмёт, как скажем, в оборот.
Ковыль дорогу похоронит,
Оврагом рыжим оборвёт.

* * *

Когда меня ведёт округа
Забытой стёжкой на простор,
То я спасаюсь от недуга,
От нелюбви, от глупых ссор.
Я забываю всё на свете –
Во мне лишь даль в обилье рос,
Где шаловливо-шустрый ветер
Кудрявит мир лесополос.
Да птичий хор, как солнце, греет,
Земными песнями звеня.
Тогда на свете нет мудрее
И нет счастливее меня!

* * *

Всплыло солнце из-за тучи,
Разыгралось, веселясь,
Золотит поля и кручи,
Придорожный куст колючий,
Кружевного хмеля вязь.
Золотит луга и хлебы,
Тополь, иву, клён и вяз,
Жизнь реальную и небыль...
Вечно крепко держит небо
С вековой землёю связь.

* * *

Вместо зноя лютый холод.
Стонет ветер штормовой.
Купол неба вдрызг расколот
Канонадой громовой.
Реки мечутся, как птицы,
Рвутся ввысь из берегов.
Стёрты межи и границы
Огородов и лугов.
В лето этакой погоды
Не бывало даже встарь.
Нынче, видно, время года
Перепутал календарь!

* * *

Холода, как псы, напали
На июльский томный зной.
Превратились мигом дали
В хлёсткий дождик обложной.
Заштормили лужи, тучи.
В роще прячутся грачи.
Ветер мечется. А с кручи
В речку падают ручьи.
Дождь вприпрыжку, не стихая,
Бьёт наотмашь тополя.
Словно тесто, набухает
Мать-кормилица, Земля!

Семигорье

I

Летний дождь по-осеннему сеет,
Тучи, пенясь, штормят на ветру.
Ощетинился холодом север,
Стонет раненым зверем в бору.
Впереди ни тропы, ни просвета,
Утопает во мраке гора.
Лето падает в вечную Лету,
Не дожив до святого утра.

II

В июне веет сентябрём.
Дожди тайгу заполонили.
Напоминает только гром,
Что лето ветры не сгубили.
Ещё заплещется строка,
С пронзительным бореем споря.
И канут в Колве облака,
И солнце вздыбит Семигорье!

* * *

Ветра на части тучи рвали,
Перечеркнув июльский зной.
Скрипели вѣтлы и стонали,
Тряся всклокоченной листвой.
Река металась и кричала,
Как перед родами жена.
И лишь к рассвету замолчала,
И возродилась тишина.

* * *

Разыюлилась жара,
Спасу нет.
Раскаляется с утра
Белый свет.
Суходей скулит, пыля,
Даль томит.
Порастрескалась земля –
Степь дымит.
Хлеб и травы в зное мрут,
Не дыша.
Высыхает даже пруд,
Как душа.

Над полями виснет
Жар почти несносный.
Хорошо, что в прошлом
Гомон сенокосный.
Речка выкипает,
Плавятся тропинки.
В небе синь сплошная,
Даже ни соринки.
В камышах кузнечик,
Птаха еле дышит.
Задохнулся ветер,
Листья не колышет.
Скрипнула сорока,
И в кустах заглохла,
Видимо, от зноя
В горле пересохло.

* * *

Зной спалил хлеба и травы,
Выпил озеро до дна.
Раскалил жарой дубравы,
Словно печки, докрасна
В цвете ржавом, в цвете рыжем
Тонут избы, даль, стрижи.
Как в миру природе выжить,
Боже правый, подскажи!..

* * *

Зной угас. Похолодало.
Туча треснула по швам,
И зашлепал разудало
Крупный дождь по деревьям.
Птицы смолкли на мгновенье –
Спрятал певчих отчий кров,
Чтоб набраться вдохновенья
До свиридовских хоров!

* * *

Шелохнулся ветер, слава богу,
Знать, не задохнулся от жары.
Прошуршал и вышел на дорогу –
Заклубился в озеро с горы.
Птицы акапельно засвистели,
Светы рассыпая от души.
В озере от счастья зашумели
Вековую песню камыши.

* * *

Свечерело. Жар поник.
Забарахтался родник.
Стало слышно, как в тиши
Задышали камыши.
Как продернулся росой
Придорожный травостой.
Звездный плащ набросил дуб,
Вековечный жизнелюб.
Птица свистнула во мгле
О прохладе на земле,
Что под утро под сосной
Поперхнётся влагой зной.

СКАЗКА

Внучке Вареньке

I

Кувшинок желтые глаза.
В речушке тишь покоит ряска.
Над веткой виснет стрекоза –
Передо мной не было, а сказка!
В нее втекают, как слова,
Утята с матушкою-уткой.
Дивится даже синева,
Как первозданной незабудкой.
Не сон вокруг, не миражи –
Из бородатой мшистой кручи
Бросают, молча, взор стрижи,
Боясь нарушить слог певчий.
Но с кручи шлепнулись ветра –
Разорвалась от всплеска ряска.
Зависла с неба туч гора –
Оборвалась живая сказка.
Кувшинки спрятали глаза,
Волна в куту швырнула уток.
Исчезла в травах стрекоза,
Прогромыхали громы люто.

В снопы скрутились камыши.
От сказки миф, да закорючки,
А сказку я, как для души, –
Хотел для Вареньки, для внучки!

II

Чайка села в ряску,
Видно, отдыхает.
А возможно – сказку
Миру выдыхает.
Затаясь под ивой,
Слившись с камышами,
Птице молчаливой
Вовсе не мешаю...
Наконец подслушал
Тишью полудикой
Сказку для Варюши,
Внучке ясноликой!

* * *

Осина ростом метров тридцать,
А все, упрямясь, ввысь растет.
Наверно, редкой доли птица
На ней своё гнездо совьёт.
Я пред осиною букашка,
Но мне ж не надо высоты.
Лишь грела душу бы ромашка,
Да звали белые листы!

* * *

Август внезапно нагрянул
Похолоданьем, дождём.
Коль разобратся, то рано
Осень врывается в дом.
Двор не подобран, как надо,
Да и картошка в земле.
Летом жаре мы не рады,
Нынче скорбим о тепле.
Вот и пойми человека,
Трудно ему угодить.
Было такое от века,
Что же сердца бередить?
Август внезапно нагрянул
Похолоданьем, дождём.
Коль разобратся, то рано.
Да ничего, переждём!

ВЕЧНОСТЬ И БЫЛЬ

Под свист ветров густые облака
Окутывают горы, лес и храмы.
По-матерински труженица Кама
Качает в водах древние века.
А в них – бурлацкий стон, кандалный звон,
Ермак сквозь время кличет Емельяна.
И перелив кунгурского баяна,
И теплоход плывёт за горизонт.
Мешая быль с далёкой стариной,
Дела вершат и пахарь, и рабочий.
И шепчут в мир сиреневые ночи
Признания влюблённых под луной.
О Родина, с тобой судьбу деля,
Мы чувствуем от крепких предков силу.
Ты – боль и радость будущей России,
Дремучая уральская земля!

* * *

По душе мне дух древесный,
Дух, не знающий границ.
Торжествующие песни
Богом данных вещей птиц.
И, проваливаясь в роще,
Духом полнюсь и дышу.
И слова светлей и проще
Для стихов найти спешу.
Что получится? – Не знаю,
Но забуду боль и грусть,
Если примет глубь лесная,
Может вечности коснусь...

* * *

От бобров, от старости, от зноя
Падают деревья день-деньской.
Вздрагивает озеро лесное
Волнами объатыми тоской.
Долго успокоиться не может –
Ряской хлещет берег, как плетью,
Ибо знает, что деревья схожи
С древних лет до нынешних с людьми.
Ночь не зря покоем души лечит,
Память об ушедших бережёт:
Звезды поминальные, как свечи,
Над землею божескою жжёт.

ПУШКИН

*«Пушкин был русской весной,
Пушкин был русским утром...
Певучестью и грацией выразил
основное в русской природе...»*

А. Луначарский

I

Был Пушкин русскою весной,
С её веселою капелью.
Был Пушкин русскою зимой,
С её мятежною метелью.
Был пиршеством и ворожкой,
Осенней грустью, всплеском лета.
Был доброй и худой судьбой,
Судьбой российского поэта.
И долгой ночью, кратким днем
Был Пушкин – русская природа.
Не зря ж в одном вместились в нем
Все времена и боли года!

II

Стёжки теряются в травах,
Берег скрывают кусты.

Ветер волною кудрявой
Трогает робко цветы.
Вздрыгнула рядом осока,
Утка подкрякнула ей.
Тучка из дали высокой
Краем коснулась ветвей.
Скоро вечерние зори
Вызвездит вновь тишина.
Тихо отправится Сороть
В Пушкинские времена.

III

Ветра на отдых спрятались в копне.
Нависли тучи. Небо отзвездилось.
И незаметно в черной тишине
Столетье двадцать первое забылось.
И путается Сороть в камыше,
И выдохся соловушка заречный.
И что-то откликается в душе,
Когда в ночи подумаешь о вечном.
Сплошная темень ползает, ворча,
Да невозможно разобрать ни слова.
Но – светится в Михайловском свеча, –
Должно быть, Пушкин пишет «Годунова».

IV

Утро пробудилось. Ожил бор.
Солнце выкатилось из-за гор.
И, любуясь собственной красотой,
Белка умывается росой.
Задышал прохладой Маленец,
Вдохновений пушкинских творец.
Утка порасправила крыла.
Монастырь забил в колокола,
Начал души звоном бередить,
Пушкина пытаюсь разбудить...

V

Успокоилась природа.
Одевает землю тишь.
Как дождевики, с небосвода
Звезды сыплются в камыш.
Да ни шороха, ни всплеска –
В сон впадает водоём.
И темнеют перелески,
И темнеет окоём.

Только липы звёздным светом
Поднапудрившись слегка,
Ждут влюбленного поэта,
Что придёт наверняка.

VI

Шумят Михайловские рощи,
Да не шумят, а даль поют.
И чем древней они, тем проще,
Зовут в извечный свой уют.
Где живы графы и крестьяне,
И первозданный дом и двор.
За самоваром Пушкин с няней
Ведут о сказках разговор.
Фольклором, песней, рукодельем
Пленяет Пушкина она.
А в гости едут Пущин, Дельвиг –
И вновь пирушка допоздна.
В речах гудит Лицей, как пчельник.
Друзья, какая ссылка тут,
Когда, как прежде, в час вечерний
В Тригорском Осиповы ждут?!

Скорей коня! Долой волнение.
На плечи плащ. И за порог.
Летит он к чудному мгновенью,
Как самый дерзостный пророк.
В душе «Онегин» и «Цыганы»,
«Арап Петра» в душе кипит,
А всадник скачет сквозь туманы,
Сквозь время вещее летит.
Бессмертье вихрем плащ полощет,
А Пушкин мчится, гой еси!..
Шумят Михайловские рощи,
Да так, что слышно всей Руси!

VII

Сквозь горы сугробов и вьюжный простор
Влетела упряжка с разгона во двор.
Вздохнул колокольчик и смолк под дугой.
Торопится Пушкин: «Кто путник ночной?»
И после изгнаний, и долгих разлук.
Пред Пушкиным Пущин –
единственный друг!
Друзья закачались в объятьях крутых,
Как было в лицейских летах молодых.

И Пушкин, и Пущин в застолье одни.
Шампанское весело пили они
За Русь, за свободу, за шумный Лицей,
За всех сокровенных далеких друзей.
Взволнованно Пущин глядел в полутьму,
О «Тайный союзах» поведал ему.
Но скрыл, промолчал – и, возможно, не зря! –
Что близится день роковой декабря.
Обиделся Пушкин. Но Пущин, как мог,
Потомкам российским поэта берег.

VIII

Письмо от Пущина прочел в тревоге,
Приехать просит закадычный друг.
Недолги сборы – лихо по дороге
Летит на тройке Пушкин в Петербург.
Декабрь пуржит, сугробы замата.
Ивняк дрожит на дерзком сквозняке.
Но вдруг наперерез метнулся заяц
И растворился в снежном ивняке.
А следом у старинного селенья
Через дорогу поп из-за угла.
По пушкинскому тайному веленью
Как вкопанная тройка замерла.

Ах, неужели Пушкин суеверен,
И выхода единственного нет?
А может, в декабристов не поверил,
Почувствовал недоброе поэт?
Забыты шутки, промахи и споры,
И до рассвета дружеский загул.
Не мешкая, решительно и скоро
В Михайловское тройку развернул.
Секут кибитку хлесткие метели –
Имение маячит на пути.
А ведь, Сибирь не только от дуэли –
Могла России Пушкина спасти.

IX

Пока и ложь, и склоки в стороне.
Мятежный Пушкин скачет на коне.
И кудри, и крылатка на ветру
Полощутся, как ветлы на юру.
По-юношески весел и ершист,
Хотя уже давно не лицеист.
Куда он скачет: к славе ли, к добру? –
Не в этом дело. Лишь бы на ветру!
И жизнь вольна, прекрасна и легка...
До Черной речки целые века.

Х

Над Невою тучи отсырели,
Отсырели сосны и цветы,
Разводные невские мосты
И дворцы великого Растрелли.
В мороси ростральные колонны,
Как не раз бывало на веку.
Гулко чайки падают в реку,
Словно с трона царские короны.
Прошлый век в душе не умолкает,
Как с листвой играющий борец.
Тонкий дождик с пушкинских кудрей
В наше время медленно стекает.

ХІ

От Маленца до Сороти луга,
На днях вскипят густые сенокосы.
Топорщатся кустами берега,
Хмелеет даль от птиц разноголосых.
С холма, поразменявшим век второй,
Обхвата в два гривастые деревья
Глядят на мельницу, что под горой
Степенно перемалывает время.

Так было встарь. И нынче вроде так:
Пылится меж усадьбами дорога.
В Михайловское тычется верста,
Но душу жжёт неясная тревога.
Сирень сугулясь, сжалась под окном.
Родня и слуги умерли от горя,
Что Пушкин не вернулся в барский дом –
Навеки поселился в Святогорье.

XII

Святые Пушкинские Горы,
Приют вселенского певца,
Где слову, музыке и хору
Ни края нету, ни конца.
Звенит природа и клокочет,
В себя вобрав холмы и лес,
Пока к середине душевной ночи
Не вознесётся до небес.
Творец всему – поэт всесильный,
Во тьме не канувший во тьму.
Не зря дороги всей России
Ведут, как к Господу, к нему.

XIII

От Пушкина оттаял наконец.
Меня покинул пламенный творец.
Пронесся вдохновенной круговертью –
И отлетел в законное бессмертье.

XIV

Разыгравшись на белой равнине,
Развенчала метель тишину.
Закидала в забытом овине
Молодыми снегами луну.
Даль встревожена посвистом бойким...
Так и кажется:

где-то у вех

Колокольчиком пушкинской тройки
Все звенит девятнадцатый век.

XV

Глазами полузрячими избушек,
Что горбятся, как бабки у плетня,
Глазами керосинок и коптушек
Глядела Русь на юного меня.

А я-то знал, что вырасту и ринусь,
Хоть сколько ни случись в дороге бед,
Сквозь тьму тайги и жуткий мрак равнины
Увижу белый выстраданный свет.
И тяжело было, больно и жестоко.
Кровавая душу, предков не корил.
Узрил я Русь и Пушкина, и Блока,
Святую Русь Есенина узрил.
Высоко в небо птицей поднимался,
Развенчивая подлость и покой.
Как пахарь, в землю отчую вгрызался
Душой и поэтической строкой...
Не отрекусь от вымершей коптушки,
От Брестской крепости не отрекусь.
Во мне, как жизнь, и Родина, и Пушкин,
Во мне, как жизнь, есенинская Русь!

ЛЕРМОНТОВ

*«...Земля окружена ореолом
нежно-голубого цвета...»*

Ю. Гагарин, космонавт

Не терпел предателей и хамов,
Эпиграммой недругов разил.
За друзей у Господа во храмах
Здоровья и благостей просил.
В юноше с величием пророка,
Что являет редко белый свет,
Миром обозначился до срока
Гениально-признанный поэт.
Мужественно, с дерзостью кинжальной
Правоту отстаивал свою.
На Кавказе огненно-опальном
Был не раз у жизни на краю.
Но парил, не знающий покоя,
Словно ангел в царстве неземном.
И вещал оттуда нам строкою,
Что земля «в сияньи голубом».

В творчестве глубок и многогранен.
Жизнь его, как молодость, жива.
О земле из космоса Гагарин
Подтвердил поэтов слова...
Искромётен и молниеносен
Он горит созвездьем и во мгле,
Продолжая Пушкинскую осень
Лермонтовской лирой на земле!

ПОЛОНСКИЙ

*«Мой костер в тумане светит,
Искры гаснут на лету...»*

Я.П. Полонский

Его судьба жестоко била,
Родных до срока схоронил.
При жизни слава обходила,
Но никого в том не винил.
И даже на врагов обиды –
Был слишком добрым! – не таил.
Он в каждом человеке видел
Любви и благородства пыл.
Ошибки понимал не сразу,
А может, не хотел их понимать.
Всю жизнь мечтал не по заказу –
По вдохновению писать.
Как быть, когда ты без работы,
Когда преследуют долги,
Когда семейные заботы
Отодвигают прочь стихи?
Но и тогда не канул в Лету –
Творил он ночи напролет!

Внимал тургеневским советам,
Души предчувствуя полет.
Среди таких людей известных,
Как Достоевский, Тютчев, Фет,
Он был не только друг и сверстник –
По воле божьей был поэт!
Потомкам путь его приметен,
Зовущий к счастью и добру.
Его костер в тумане светит –
И люди тянутся к костру.

САВРАСОВ

Едва дома оттаивать начнут
От затяжной, навязчивой метели,
Как в загородный лес его зовут
Еще не зазвеневшие капли.
И кажется ему: бубнят ручьи,
Разбужены скворешнями деревни.
Не клочья снега рядом, а грачи
Крылато восседают на деревьях...
Писал весну!
И даже в те года,
Когда ни денег, ни жилья, ни хлеба!
И теплые проталины с холста
Бросали взгляд в ликующее небо.

ТОЛСТОЙ

I

По Гавриловско-Патровским тропам
В суховой раскаленный, в жару,
Под кобылий встревоженный топот,
Лев Толстой Геродотом протопал
Вековые грома и потопаы,
Отдавая служенье перу.
На седые холмы возносился,
В поднебесье с орлами парил.
И с хазарами в битве рубился,
О победе высокой молился
Ведь не зря славянином родился –
Земли скифские боготворил!
Потому потянуло во поле,
Суховаем трубя и пыля,
Что почувствовал степи до боли,
В них крестьянскую жизни недолю,
Где обрел и свободу и волю,
Чем делилась с ним щедро земля!

II

Сто лет назад ушел Толстой:
Пророк, художник и мыслитель.
Поныне он, как травостой,
Как хлеб ржаной, как лес густой,
Руси словесной исцелитель!
Радел за истинных крестьян,
Спасал от холода и зноя.
Торя тропинку сквозь бурьян,
Взбирался в думках на курган
Прознать про царство неземное.
Прознал, наверное. Ему
Господь открыл святые дали.
Узрил Толстой и свет, и тьму.
Потомки мира потому
Его любить не перестали.
В глуши, где ястреб вьёт круги,
По-над просторами родными,
Где не видать порой ни зги,
Слышны в степи его шаги,
А степь – живёт и дышит ими!

III

Легенды в мире не впервой
По городам и весям ходят.

Творец великий перстень свой
Передаёт, как дар земной,
Творцу другому пред уходом.
Но чтоб творец не меньше был
Высок и славен, чем даритель,
Чтоб свято Родину любил –
И на мгновенье не забыл,
Что он Отечества хранитель.
Толстой при жизни вечным стал –
Оспорит это кто едва ли,
Легендой встал на пьедестал.
Свой перстень Горькому отдал,
Как перед смертью Пушкин – Далю!

IV

Ну кто же, люди, Лев Толстой,
Земной, а может неземной
Пророк за смертною чертой
До гениальности простой?
А может – странник, но при том
Годами спорящий с Христом?..
Он скиф Руси, он вечный гул,
Кто словом мир перевернул!

БУНИН

И дождь, и листопад в Подстепье синем,
Как первые подснежники любил.
И на чужбине даль родной России
До смертного мгновенья не забыл.
В душе поэта отзывалось поле
Колосьями ржаными, васильком,
Вознёю пташек в знойном суходоле
Да хлопотным, глазастым родником.
Не поклониться больше той равнине,
Где каждая травинка Русь поёт,
Луна колдует в брошенном овине —
Уснуть до ясной зорьки не даёт.
Вернулся бы и в ведро, и в ненастье —
На свете нет Орловщины родней!
Да разве разъярившиеся власти
Простить могли бы «Окаянных дней»?
Простить могли бы истинных пророчеств,
Что большевизм провалится во тьму?..
Хотелось верить в тягостные ночи:
Прозреет добрый люд. И потому
Ворчал по-стариковски, собирався
На Родину, а Родина ждала.

И все-таки во Франции остался,
Обратный путь пурга перемела.
На кладбище чужом утомился,
Не зная, что в Отечестве любим.
Не зная, что в Россию возвратился
Талантливым творением своим.

ЕСЕНИН

I

Сто пятнадцать осеней Есенину,
Пушкинскому брату по перу,
Что тянулся и в года осенние,
Словно Пушкин, к свету и добру.
Словесами дерзкими и броскими
Правду выколачивал свою.
Дрался и с Кручеными, и с Троцкими,
Отвергая ихнюю стезу.
Вовремя уверовал в хорошее,
И запел и звонче, и любя!
Да не понял, спорищем взъерошенный,
Что беду накликал на себя.
Не простили ироды поганые
В драках поражений и обид.
Сворою продажно-иностранною
Был поэт обруган и убит.
И поныне правнуки холеные,
Тех полузабытых подлецов,
Правят Русью, ими поделенною,
Унижая истинных творцов.
И шипят, как змеи подколодные,
С каждым годом гаже и подлей.

Оттого поэта всенародного
Власть не помнит даже в юбилей!

II

В день рождения Есенина
Не за книгою сижу,
А утра в леса осенние
Неторопко ухожу.
Мне навстречу клены, тополи
Тянут рыжую листву.
А тропа выводит во поле
Не во сне, а наяву.
Открываются картинами
Сквозь крушение, скорбь и грусть,
И селенье Константиново,
И есенинская Русь.
Он любил, как песнопение
Доброй матушки своей,
На ветру Оки волнение
И дыхание полей.
Пел и птахе, пел и колосу
От хулителей вдали,
И чарующему голосу
Откликались журавли.

А за ними – тройкой быстрою,
Приспустивши удила,
Грохотала Русь неистово
Да во все колокола!
Раскудрявый, светлолицый
Душу Родине отдал.
Но, как Пушкин, предубийцами
Молод был – не устоял.
Задушила мразь картавая
Всенародного певца.
И поныне волчьей стаею
Льют помои на творца.
Только стае не получится
Дважды гения убить,
Что сумел строкой певучею
Шар земной в себя влюбить.
А когда-то стежкой узкою
Кольцевал среди полей.
Но, воспев природу русскую,
Растворился лирой в ней.
Он – и лес, и даль осенняя,
И России горький дым...
В день рождения Есенина
Разговариваю с ним!

ВАСИЛИЙ КАМЕНСКИЙ

*«Куда я еду – сам не знаю,
К каким пристану берегам...»*

В. Каменский

Он путь прошел большой и сложный,
Он видел тьму и белый свет,
И авиатор, и художник,
И божьей милости поэт.
Любил людей. В Россию верил,
Как Разин в дедовский простор.
Его причал – прикамский берег.
Его причал – прикамский бор.
Где прославлял родные сени,
Раздолье речек и полей.
То клокотал – как гром весенний,
То пел – как мудрый соловей.
Мешались буйства и пороки
Крутых событий, дат и тем.
В душе бурлили Камой строки
Еще несложенных поэм.
В себе не вымысел, не сказки –
Воспоминания будил.
И дух крестьянский, дух бунтарский
Под сердцем брагою бродил.

И туч взъерошенные стаи
Давали волюшку словам:
Куда я еду – сам не знаю,
К каким пристану берегам.
Не стал поэт лихим изгоем –
Он выжил в злые времена.
И приняла в свои покои
Его стихийная страна.
Поныне он стихами вьюжит,
Тайгой уральскою дыша.
Над Камой чайкой снежной кружит
Его мятежная душа.

ЗВЕЗДА БУНТУЮЩИХ ПОЛЕЙ

«Я умру в крещенские морозы... »

Н. Рубцов

Метели выли, не стихая,
Справляли дикую гульбу.
Поэт пророчески, стихами
Творил мятежную судьбу.
А путь судьбы и слеп, и светел.
Поэт погибель предсказал.
В мороз крещенский, на рассвете
Сомкнул печальные глаза.
Себя друзья клянут жестоко:
«Господь наш праведный, прости,
Что не смогли от злого рока
Предостеречь и отвести».
Клянут, не ведая покуда,
Что не о том клубится речь.
Да разве можно смертным людям
В миру пророка уберечь?

Теперь его обитель – небо
В недостигаемой дали,
Куда и в пору жатвы хлеба
Не долетают журавли.
Оттуда он уже неспешно,
Но с каждым годом все светлей,
Горит над Русью безутешной
Звездой бунтующих полей.

РАДКЕВИЧ

I

О, как он землю чтит и воспевал!
Болел Землей, когда она болела.
В стихах и Кама яростно кипела,
И клокотал мартенами Урал.
Сего людьми, заводами, тайгой
Дремучей, но возвышенной, как слово.
С легендами и сказами Бажова,
С ручьёвской нестигаемой строкой.
За совесть, за добро негодовал,
Неистово грома приспособленцев.
Инфарктами израненное сердце
В пылу борьбы беречь позабывал.
Забыть не мог на свете одного,
Когда в беде оказывались други.
Он поднимал в верхах такие вьюги,
Что выручит и черта самого.
Он уверял — не верить не могли, —
Что в мире сложном от чужой отравы
Его спасут языческие травы,
Но травы, к сожалению, не спасли...

II

Он умер. А снится живой.
Шагает ромашковым полем,
Точнее парит над землей! –
В глазах ни грустинки, ни боли.
Такая в глазах глубина,
Такая раздольная удаль,
Что родина ясно видна
От Камы до камня Полюда!
Как в жизни, спросил он во сне,
А может и чуточку строже:
«Ты что ж не приходишь ко мне?
Совсем на тебя непохоже».
Ну как в оправданье, скорбя,
Какими ответить словами?..
Поэт, мы зарыли тебя,
В жестокой отставили яме.
С июньских мучительных дней
Глаза виноватые прячем.
Приходим к могиле твоей
Хмельные и трезвые плачем.

ОПАВШИЙ ЛИСТ

Памяти А. Решетова

I

Ветер дунул – лист сорвался,
Отлетел, шурша.
Грустной строчкой отозвался:
«Нетвоя ль душа?..»

II

От жизни, видимо, устал,
Коль сгинул с ветки в крутоверти.
Вот так и Решетов упал,
А говорят: «Поэт бессмертен?!»

III

Пока друзья и родственники живы,
Творят воспоминанья день-деньской,
В сердцах романтиков неодолимых
Он будет жить взволнованной строкой.
Строка затронута осенней краской,
А значит и горька, и горяча,
Пока горит рябиною уральской
Во храме Петропавловском свеча.

IV

Ушёл поэт глубинный и тревожный,
Высокий свет оставил на Руси.
Ни радужным векам, ни горько-сложным
Любовь людей к нему не погасить.
А провожать бывшее – не впервые,
Оно не возвращается назад...
Рябинно-поэтической листвою
Шумит его величественный сад!

ЧИТАЯ ДМИТРИЕВА

*«Не исчезай, мое село...
Ты будто «Слово о полку» –
В одном бесценном экземпляре...»*

Н. Дмитриев, г. Москва

Читаю Дмитриева Колю,
А с ним – и плачу, и пою.
Его и волю, и неволю
Воспринимаю, как свою.
На свадьбе пляшем, пьем на тризне,
Кричим: «Ура», призвавши страх,
За необорванные жизни
В чехословацких клеверах.
Погибель сёл сердца тревожит,
Сочится кровушка меж строк.
А он - то был меня моложе,
Да вот себя не уберёг...
Мне с ним пришлось в года остуды
Встречаться, чуточку дружить.
Теперь советует оттуда,
Как слово чувствовать, как жить.
За мир добра спасибо, Коля,
Что пережил тебя – прости...

Мы побратались русским полем,
Чтоб в поле русское уйти.
Судьбе, конечно, благодарен.
Позволь, вольюсь в твою строку:
В одном бесценном экземпляре
Ты сам, как «Слово о полку».

ПАМЯТИ ВИКТОРА МАЛИКОВА

I

Лес дырявый, тощий, бледный –
В осень быть таким и должен,
Как в пространстве древних лет.
А в моём родном Заволжье
Друг семидесятилетний
Покидает белый свет.
Друг меня уже не слышит,
Смерть и жизнь идут по кругу
От земли и до небес,
Но доносит кто-то свыше
Мне прощальный голос друга
Сквозь дырявый, тощий лес.

II

Времени отчёт теперь другой:
Девять дней, потом сороковины,
Бесконечье свеч за упокой,
Вдовьи слёзы милой Валентины.

На могиле крест, как белый свет,
Только тот, который нелюдимый.
На кресте беззвучных дат дуэт
И тире короткое – меж ними.

III

Отпела жизнь. А что потом? –
Осиротеет отчий дом.
Никто случайно не зайдёт –
Тропа бурьяном зарастёт.
Прохожий вспомнит: «Жил да был,
Россию-матушку любил».
Но жизнь прошла. А что потом? –
Укрылся титульным листом.
Как повелось из века в век –
Другой приходит человек.
Другая Русь, другой народ...
Земля вершит круговорот.

В ДОМЕ УЧИТЕЛЯ

*Памяти В. В. Васильева,
народного артиста России*

Сорок дней. Поминальное слово.
В окна, плача, стучится капель.
Хор учительский спел Чеснокова,
Спел Каччини, Свиридова спел.
После паузы снова хормейстер
Руки вскинул и голос взлетел.
Удивляясь, с портрета маэстро
На друзей сокровенных глядел.
А давно ли, давно ли, давно ли?..
Много было бы вспомнить чего.
Скоро хор, как всегда, на гастроли,
Но, увы, в первый раз без него...
Пели, пели солисты сквозь слёзы.
В песнях ангел парящий блукал.
И вдове, принимающей розы,
Зал сочувственно рукоплескал.
В окна солнце капелью кричало.
Расходились друзья, не спеша.
В каждом сердце светло и печально
Растворялась маэстро душа.

НЕ СТАЛО ТВОРЦА

Памяти Н. Г. Чуйченко

Охрипла тальянка. Умолк гармонист.
Сорвался в могилу, как с дерева лист.
В рыданиях зарыли. Не стало творца,
Как песни, что он не допел до конца.
Ах, сколько бы свадеб, как давней порой,
Он мог осчастливить своею игрой!
Добряк. Самородок. И ноты не знал,
Но каждой певунье, как птице, внимал.
И слышал, как дышит полынный простор,
Дыханье простора – вплетал в перебор.
И песня летела, плохое круша –
Тянулась к напевам живая душа!
От малых до старых с ним люди дружны
За песни и пляски родной стороны,
В которых и солнце, и капельки рос,
И звонкая радужность лесополос...
В рыданиях зарыли. И горе не скрыть.
Но песен, друзья, невозможно зарыть.
Они, не смолкая, как было не раз,
Суходом творца продолжают в нас!

* * *

Похоронили. Помянули.
Сжигала душу тишина.
Не разошлись. В кабак свернули,
Чтоб горе выплакать до дна.
Не получилось. Не хмелели.
Представить даже не могли,
Что друга дерзкие метели
Смели с безжалостной земли.
Что без него проснутся дали,
Над миром выплеснув рассвет...
Умом, конечно, понимали,
А безутешным сердцем – нет!

* * *

Поблекли яблони, усохли.
Лысеет мрачная гора.
Ржаное поле тонет в охре,
Бунтуют севером ветра.
Пустеет отчая округа,
Речушка слепнет в камышах.
Мои собратья друг за другом
Врастают в землю, не спеша.

ЗЫКИНА

Хороним Зыкину певицу,
А я не верю правде злой.
Певица вечная, как птица,
Парит над русской землей.
Она живет в рассветах синих,
Эпох связующая нить.
Людмила Зыкина – Россия,
А Русь – нельзя похоронить!

* * *

Теряем друзей, теряем –
Пора б от потерь устать.
На родине, в отчем крае
Усопших не сосчитать.
Кто стал полынком навеки,
Кто вербой, кто жуткой мглой.
Не зря ж я, как с человеком,
Общаюсь с родной землёй!

ДИОРАМА

Памяти Н. Зарубина

I

Ветры злые вспарывали тучи –
Пашнями свисали небеса,
Сыпя снег игольчато-колючий,
Ежилаась от холода Оса,
Городок старинный возле Камы.
Мы б замерзли с ним наверняка,
Если б не в музее диорама
Нашего маэстро-земляка.
По ступенькам медленно спускались,
Кто-то был, а кто-то здесь впервой.
Глядя на шедевр, перекрестились,
Как перед иконою живой.
В нас тепло и гордость небывало,
О другом и думать не могли,
Восхищало, светом чаровало
Глубь небес, величие земли.
И, боясь дыханием нарушить
Мир природы, красок и стихов,
Мы стояли, очищая души
От больших и крохотных грехов.

Вышли из музея – нет остуды,
Солнцем озарялся отчий край!
Это нас, приветствовал оттуда,
Как святой угодник, Николай!

II

Растопырили в инее космы
Узловатые ветки берез.
Диорамы Зарубинской космос
В поселенье Осинское врос.
Воскресил, обозначил, озвучил
Мир природы столетий седых,
Где клокочет тайгою гремучей
Голос предков, как песня и стих.
Всех времен многоцветные птицы
Акапелльно хоралы поют.
Стерты прочь вековые границы –
Стал живым неживой неуют.
Тучи густо дымятся над Камой,
Ярок свет от снегов и берез.
Как в бессмертье, творец диорамой
В поселенье российское врос!

СПЕШИЛОВСКИЙ СВЕТ

*Е. Спешиловой,
А. Кирсанову*

Отбурлачил Спешилов, отпел.
Отдыхает на Южном погосте.
Много в жизни сумел и успел
Сделать добрых и праведных дел,
Не терпя ни бахвальства, ни злости.
Мы приходим к писателю в гости,
Как когда-то нас видеть хотел.
Нам оттуда советует он,
Как бороться с тупой перестройкой,
Как России не сдаться в полон
И не рухнуть с пути под уклон,
Мир взорвав наркотой и попойкой.
Говорит вдохновенно и бойко,
Как был в жизнь молодую влюблен!
Высекая строку за строкой
Штыковой бурлацкою песней,
Бил, круша дармоедов покой,
Очищая Гражданской войной,
С земляками-солдатами вместе

Дорогого Прикамья полесье
От колчаковской своры мирской.
Доставалось, конечно, сполна,
Да не пал ни здоровьем, ни духом.
Позади, словно раны, война,
Как на Каме бурлацкой волна:
Смерть друзей, голодовка, разруха.
Впереди никакой заварухи –
Поднималась из пепла страна!
Ну а с нею – писатель-поэт,
Оптимист-долгожитель Спешиллов.
Хоть его уж и в мире-то нет,
Но, как прежде, дает нам совет.
Для себя мы давно порешили,
Что победы свершим и свершили,
Коль горит в нас Спешилловский свет!

ДНЕВНИК

К. Я. Мамонтову

Предки спят до срока на погосте,
А земля вершит круговорот.
Беспризорный, бесприютный Костя
По Руси бродяжничать идет.
От Ашапа до Красноуральска,
Пермь, Ростов – дороги без конца.
Это быль-горюха, а не сказка
Для полуголодного юнца.
Сгинул бы в кровавом перехлёсте,
Если бы не встретил в тяжкий год
Зою Александровну, что Костя
Матерью второю назовёт.
Сгинул бы, бродя по белу свету,
Где-нибудь в рыдающей дали,
Коль в душе не жил бы дар поэта
Горевой, но праведной земли!
Дар пронёс сквозь радости и беды,
Сквозь пожары битвы мировой.
Родине великую Победу
Приближал пронзительной строкой.

Не забыть ни пиршества, ни тризны –
Памятью, как хлебом, дорожить.
Не забыть и книг: «Навстречу жизни»,
«Я твой сын, Россия», «Жизнь прожить».
Помним их, читаем, чтим и любим,
Как тебя, стареющий собрат!
Хоть сегодня ставят добрым людям
Горы унижительных преград.
Но и все ж, творил во имя долга
Машинист, писатель, фронтовик,
Чтоб на свете продолжался долго
Мамонтовский искренний «Дневник»!

АКТЕР

Герману Синягину

Коль назвал народ тебя артистом
Горевой сторонушки родной,
Ты познал, что в странствии тернистом
Не бывает долюшки иной.
Кровью утверждался, но порою
Плакал от обиды, а бывало – пел!
До зари над образом героев,
Как поэт над строчкою, корпел.
Вылеплял характеры и лики,
Душу огородами лечил.
Походя на классиков великих,
Классиками юношей учил.
Пережив и праздненства и тризны,
Презирая ложь и пьедестал,
На подмостках сцены жил, как в жизни:
Хохотал, влюблялся и страдал!
Ввысь вгрызался, падая в долины,
Шел вперед, в пути не зная вех.
Ты актер воистину былинный,
И достойно продолжаешь век.

ЮБИЛЯРУ

*Перевалову Л.И.,
заслуженному художнику России*

I

Льву Иванычу семьдесят зим.
В это, други, не верится даже.
Он по-прежнему неудержим,
За мольбертом и мудр, и отважен.
То березою старой глядит,
Что росла у родимого дома,
То гремучей тайгою гудит,
Как неведомый нами потомок.
Речка детства, петляя, с холста
Рвется в мир Ледовитого края.
Знаешь ты, что совсем неспроста
Край Демидовский не отпускает.

Разве можно из сердца избыть
Мать-славянку, что нас поднимала,
Что могла и родить, и любить
Вековых ратоборцев Урала?!

А пейзажей восторги и грусть,
Многоцветье бунтующих радуг,
Чтоб с картин первозданная Русь
Подарила волнение и радость?!
Поседевший Тагил и Киж
Вперемежку с лихими дождями.
И Руси светлоокой мужи
Восстают величаво пред нами.
«Крылья памяти», «Кедр родовой»
Врос навек в обнаженную душу.
Потому ты в судьбе вихревой
Не согнулся ни в пекло, ни в стужу.
Будь здоров, долгожителем будь!
Заслужил ты награды по праву.
Продолжают твой праведный путь
Переваловские Ярославы!

II

Лев Иванович, пора бы и встретиться,
Как бывало, в твоей мастерской.
А промедлим – метели завертятся,
Наши души закрестят тоской.

Окна в мир, не спеша, занавесятся,
В преисподнюю рухнут поля.
И такая пойдёт околесица,
Что не сдержит нас Мать-земля.
Защемит, всколыхнется под рёбрами
И в полете забьётся душа.
Ну а чтоб не случилось подобное,
Поспешай, мой собрат, поспешай!
Мы еще, что и мир-то не видывал,
Сотворим на последней черте!..
Да и Решетов, свет Леонидович,
Без друзей заскучал на холсте.

ХОЛСТЫ

Художнику А.К. Турбину

Глубинные дебри и были
Твои отражают холсты.
На них, словно жизнь, не застыли
Пути от версты до версты.
Горбатятся, стонут, клокочут,
Встают, табунясь, на дыбы.
И все-таки счастье пророчут
Теплом хлебосольной избы.

Ты чувствуешь сердцем и кистью
Природы и выдох, и вдох.
Ни славы не ждешь, ни корысти —
Бунтуешь на стыке эпох.
Должно быть, не можешь иначе,
Как в горе без рюмки нельзя.
Мужицкие слезы не прячешь,
Когда покидают друзья.
В тебе и мгновенье, и вечность,
Как птиц и цветов хоровод.

И путь нескончаемый Млечный,
Не он ли в бессмертье зовет?
Былинную истину ищешь,
Холсты за холстами верша...
Но как выживаешь, дружище,
Когда на разрыве душа?..

ДУША ХУДОЖНИКА

Владимиру Посохину

I

Нарисуй мне пейзаж, художник,
Чтоб расцвел на полотне
Хлебным полем придорожным,
Птицей в синей вышине.
Иван-чаем и оврагом,
Земляникою расцвел,
Чтоб дышал медовой брагой,
А не ветром, знойный дол.
И в любое время года,
Даже в холод неземной,
Душу грела Мать-природа,
Оживая предо мной.

II

В душе художника бурлит природа,
Пропитанная степью и тайгой.
Протертая извечным огородом,
Озвученная тучей грозовой.
А может не бурлит, а začínает,
Как молодое шустрое вино?

Похоже, мастер сам еще не знает,
Что народится в будущем должно.
Готовит и наметки, и наброски,
Порой напоминание строки.
То что-то наподобие березки,
То что-то наподобие реки.
То росчерком кресты,
То просто птицы,
Упавшие с разрушенных церквей...
Волнуется художник, суетится,
Как в ожиданьи значимых гостей.
Не упустит в ранимые безгодья
Мгновений тех, которых ждешь давно,
Когда природа хлынет половодьем
На жаждущее красок полотно.

III

Я гляжу на пейзаж и радуюсь,
Что созвучно моей душе:
И пленит животворной радугой,
И кувшинкою в камыше.
Стрекозой-хлопотуньей вечною,
Оживляющей берега.

И церквями почти заречными,
Где начало берет тайга.
Небо смотрит на землю птицами
Вперемежку с голубизной.
И березами белолицыми,
Что века на Руси родной.
Хоть в какой мы не будем дальности,
Злу и недругам вопреки,
Наши души в одной тональности
От штриха до любой строки!

IV

Померла у художника мать –
Тяжко выстудить горе такое.
Черной краской холсты грунтовать
И подолгу в молчаньи стоять
У картины над «вечным покоем».
Только где он, тот вечный покой,
Что с того, коль приснится, как Блоку?
Разве душу излечишь строкой,
Проперченную дикой тоской,
Или пьяной кабацкою склокой?
Не кручинься, художник, держись.

Хоронить дорогих не впервое.
Наши тоже близки виражи.
Лучше мать, как святыню, как жизнь,
Не усопшей рисуй, а живою!

ДРУГУ-ПИСАТЕЛЮ

I

Проза Гурина издавна славилась —
Дух писательский в сердце не зря.
С годом «Черная медь» переплавилась
В нестигаемый «Крест бунтаря».
Так живи, клокочи и бунтарствуй,
Крест неси, как крестьянский Иван,
И впадай словесами в пространство,
Как впадает река в океан!

II

Философствуй, проповедуй,
Радуй душу и тревожь,
Отвергай и зло, и ложь,
Но святым твореньям следуй
Книг Господних, но и все ж
По единому по кругу,
Хочешь нет, а хочешь верь,
Превращая в пепел твердь,
Вековечно друг за другом
Ходят в мире жизнь и смерть.

III

В Медянке осень. Брови небо хмурит
На тощий лес, на пустоши полей.
А нам светло! – встречает нынче Гурин
Семидесятилетний юбилей!
Ну что ж, дружище, с возрастом почтенным,
С очередной осенью твоей.
Дай бог, в Ординском крае несравненном
Еще не раз дождаться журавлей.
Чтоб вопреки грабительскому строю,
Изданье русских книг поторопить.
А главное – бунтарского героя
Из Мексики далекой возвратить.
Чтоб вновь взбугрила Гуринская лира.
И в схватке с властью выиграла бой,
И выдала читающему миру
Роман с многострадальной судьбой.
И так оно, я верую, что будет,
Не зря ж тебя Иваном нарекли?!
А на Руси Иванов любят люди,
Как ратоборцев Матери-земли!
Ведь в них краса, порядочность и сила,
Талант, переживающий века...
Позвольте тост за вечную Россию,
Которая Иванами крепка!

* * *

И. Маматову

Ты обладаешь дивным даром,
Что дорожишь родной землей.
Тебя не зря зовут Ильдаром,
А значит – божеским Ильей!

* * *

Как бы ни было тяжело и больно,
Говорю я себе: потерпи.
Лучше вспомни, как в крае привольном
Кони солнце несли по степи.
Что-то древнее в беге летучем
Гривы пели на хлётском ветру.
Под копытами вдребезги тучи,
Кони к свету летели, к добру.
А за ними раскатисто, знойно
Эхо песни несло по степи...
Как бы ни было тяжело и больно,
Говорю я себе: потерпи.

Спокойная тихая Кама,
Лишь чуточку рябь на воде.
Ни птичьего свиста, ни гама –
Слетели к счастливой звезде,
Где солнце и хлебные дали,
И вволю озёр и морей.
А я – улетел бы едва ли,
Мне по сердцу терпкий борей!
А значит – я к стуже приближен,
Не греет и солнце вдали.
В години б лихие не выжил
Без отчей славянской земли!

В МОСКВЕ

*« Как в сон, как в омут,
Падал я в Москву,
Она с меня провинцию стирала...»*

В. Радкевич

Москва. Метро. Громады площадей.
Клубящийся водоворот людей.
Не видя ничего, господь прости,
Летят, зевая сметая на пути.
Крутой волной швырнёт туда-сюда,
Не вдруг сообразишь: «А плыть куда?»
Сквозь недоверье, злобу и добро
Впадаешь с водопадами в метро.
И говоришь себе: « Москва Москвой...»,
Проваливаясь в юность с головой.
И вспоминаешь тихое село,
В котором было вольно и светло.
С покоса шли, сутулясь, косари.
Гармошки не смолкали до зари...
Готов от боли не грустить, а выть!..
С меня, видать, провинцию не смыть.

Меня, пожалуйста, не возноси.
Я вовсе человек не пьедестальный.
Гораздо лучше встретишь на Руси
Среди путей и дальних, и недалгих.
Размашистее, глубже и мудрей
Слагает поэтические вирши:
Трибун и лидер до закатных дней
Прискорбных тризн и ураганных пиршеств.
От века ты возвышенно чиста,
Возможно чуточку наивна.
Твоя предорогая доброта
До святости молитвенной невинна.
Но ты сильна, душою молода,
А я – слабак, тем более не воин.
Ах, ладно бы, всё это ерунда,
Но главное – тебя я не достоин.

* * *

То было в юности, а было:
От губ твоих дрожал и пел.
Я помню, ты меня любила,
А я влюбиться не успел.
Судить себя, имею ль право?
Поразбросали врозь пути.
А Русь – великая держава,
Друг друга просто ли найти?!
Познал я радость и кручину
Среди простых и сложных дел.
Но всё же главная причина –
В тебя влюбиться не успел.

* * *

Не жду твоих ни ласк, ни ссор –
Они давно в былом сгорели.
А мы их вымели, как сор
И тут же разом постарели.
Жалела ты, а может нет?
Я не разгадываю тайны,
Но верю в то, что белый свет
Сдружил нас всё же не случайно.

Упала с плеч сиреневая кофта,
Скользнула с бедер юбка в темноту.
Увидел всю тебя в анфас и в профиль
По самую запретную черту.
К твоим устам, как к солнцу, прикоснулся –
И обожженный рухнул на траву.
А дальше, как в безумии, проснулся,
До слез обидно, что не наяву.

КУПАЛЬЩИЦА

Из речки вышла. Огляделась.
Прогрелась солнышком насквозь.
Потом тихонечко оделась –
Цветами тело занялось.
Прихорошилась. Прибодрилась.
Поклон отвесила реке,
И незаметно растворилась,
Как птица, в синем далеке.
Но до поры уже вечерней
Река дышала всё ещё
Её божественным свеченьем
И целомудрием её.

НА ПЛЯЖЕ

На пляже никого. Река пустынна.
Хозяйничает осень. Тишина.
И лишь тропу любовно краской дынной
Раскрашивает сонная луна.
Не верится, что здесь когда-то бодро
В июльский полдень – зноен и высок –
Красавицы впечатывали бёдра
В разгоряченный ветреный песок.
Подставив солнцу руки, грудь и плечи,
Подчеркивали прелести рекой.
По ним скользили, жаждущие встречи,
Пожары глаз компании мужской.
Теперь, увы! Луна тропинки пишет,
Под осень пляж, конечно, опустел,
Но всё-таки песок неслышно дышит
Теплом и тайной высвеченных тел.

КРАСАВИЦА

Себя несла, как призрачный кувшин.
Природным совершенством поразила.
С сознанием дела очередь у вин
Красавицу глазами просквозила.
К тому ж от шаловливых сквозняков
Волною знойной платье завернулось.
На комплименты липких мужиков
Была глуха. Прошла, не обернулась.
Не обернулась. Надо ль упрекать,
Мол ни один не нравится мужчина. –
Красавица боялась расплескать
Святое целомудрие кувшина!

Задумано многое было,
Да вот не свершилось, увы.
Желанье моё поостыло
Под шорох увядшей листвы.
И птицы разлуку отпели,
И пашнями тучи легли.
Взорвали пространство метели,
Клубящейся бездной вдали,
Которая может нежданно
Вломиться в родимый уют,
Где я во степи постоянно
Живу, как другие живут.
О прошлых годах не жалею.
О милости Бога прошу.
Тихонько старею, болею,
Тихонько листьями шуршу.

* * *

Еле держат деревья росу,
Могут ветви от груза сломаться.
Тянет стужей в осеннем лесу –
Поскорее бы солнцу подняться.
Просочиться сквозь туч бурелом,
Прикоснувшись к холодным деревьям,
Обогреть предпоследним теплом,
Ну хотя бы на малое время!

* * *

Бабье лето Господь подарил:
Тучи сгинули, солнце восстало!
Небосвод синевою воспарил
От заволжских степей до Урала.
А ветра паутин вороха,
Размотав, потянули по свету.
И поэт от стиха до стиха
Благоденствует бабьему лету!

* * *

По бокам широким и ядрёным
Бабье лето дождик отхлестал.
Срощ густых берёзовые кроны
Полетели, ёжась, в краснотал.
Ни любви, ни знойности, ни света
Обнажила роща худобу.
На глазах остыло бабье лето,
Повторило женскую судьбу.

* * *

Бабье лето на исходе –
Жди похолодания.
Что поделать, коль в природе
Время увядания?
В тополиный чуб седины
Вкрались, как положено.
Плачем долгим журавлиным
Небо растревожено.
Тянут нити-паутинки
Вдоль по знойной просеке.
Да, не только есть грустинки,
Есть и радость в осени!

* * *

Сшибая крупную росу,
Брожу с корзинкою в лесу.
Течёт меж листьев небосвод,
Калина гроздьями зовёт.
Доносят дятлы перестук,
И сеть, как дед, плетёт паук.
А я всё дальше в глубь иду.
Но тут картина на виду:
Из-под корней топорщат лбы
Белоголовые грибы.
Пейзажи сразу стороной,
От счастья стал я сам не свой.
В корзину наперегонки
Полезли вмиг боровики!

* * *

Стало холодно и днём:
Дождь над лесом виснет,
Птица не подсвистнет.
Но зато растут опять,
Как во сне, под каждым пнём.
Никакого грибника
Не удержишь дома.
Тропкою знакомой
И без тропки лес прочешет
От берёз до сосняка.
А что холодно и днём —
Вовсе не заметит,
Коль удача светит.
И растут в лесу опять,
Как во сне, под каждым пнём.

* * *

Ни грибов, ни ягод – лес пустой.
Не слышать ни дятла, ни кукушки.
Лишь подтрескивает сухостой
Под ногами вспугнутой зверушки.
Но и всё ж доволен я вполне,
Что сижу в раздумье на пенёчке:
Может быть вернутся в душу мне
В полночь неродившиеся строчки?!

* * *

По-новому – середина сентября.
По-старому – всего-то лишь начало.
А раз начало, то рыбак не зря
Почти не держит лодку у причала.
За рыбой промышляет день-деньской,
Дыша ухой, кострами и природой.
А солнце, зависая над рекой,
Тропиночку высвечивает к броду,
Где ива, разрумнясь, как заря,
Теряет листья, кроною качая...
По-новому – середина сентября,
По-старому – всего-то лишь начало.

ГРАЧ

За калиткой стёжка,
Рядышком родник.
Грач перед отлётом
К роднику приник.

Пусть напьётся вдоволь –
Трудный путь далёк:
Холод, бури, грозы
Вдоль и поперёк.

Грач, родная птица,
Ты попал в строку.
Дай нам Бог вернуться
Снова к роднику!

Конечно, в осени хватает
Печали светлой и тоски,
Мол, улетают птичьи стаи,
Седеют травы, как виски.
Частенько дождь гвоздит дороги,
Деревни хлюпают в грязи...
А ну, поэт, отринь тревоги,
Минор в душе притормози!
Окинув ширь летящим взором,
Ты не заметишь, как строка
Цветным, божественным узором
Возникнет в мир издалека.
И разольются акварели
По отлетающим лесам.
Леса подобны, в самом деле,
Великорусским парусам...
А паутины бабье лето
Любовно тянет меж ветвей.
Гори, поэт, кострами света
И радуй осенью людей!

* * *

Одаривал октябрь великолепьем!
Хватало нам тепла наверняка.
Парила синь над светоносной степью,
Раскачивая крылья-облака,
Терявших наземь солнечные перья,
Которые нам радости несли
Для блага, вдохновенья и доверья,
Для единенья неба и земли.
И, восхищаясь чудо-облаками,
За ними возвышались на откос.
Мы грелись всласть осенними кострами
Волнующе-цветных лесополос!

* * *

В степи костёр не разжигали —
И без того был день хорош.
Златая осень ни за грош
Дарила нам родные дали.
Конечно, вместе с облаками
И с невесомой синевой,
С дорогой лысой полевой,
Зачатой пахарем веками...
В сердца торжественно и свято
Мы брали дар. И каждый рад.
Не надо никаких наград,
Здесь всё: и грусть, и свет, и злато!

* * *

Вчера с колёс – и снова на колёса.
Я в этот раз на Вишеру качу.
По сторонам художничает осень,
Пейзажи ей любые по плечу.
Копирует шедевры Левитана,
Показывая жёлтое жнивье.
Потом, коснувшись листьями тумана,
Рождает сокровенное, своё.
Откуда ж столько красок вдохновенных,
Божественно-небесных и земных?
Ах, как пейзаж бы этот несравненный
Перевести в подарок людям в стих?!

Разрумянилась русская осень,
Запалила из красок костры.
Ветер лихо румяны уносит
В голубые края и миры.
Но пейзажи опять возникают
Романтичнее, гуще, новей.
В них тропинки и птицы мелькают,
Хороводятся листья с ветвей.
И в пространство живой галереи
На картины- шедевры смотрю.
В осень я потому не старею,
Что душою кострами горю.
День ушёл, как хозяин под крышу.
Свечерело. И ветер утих.
Но пейзажи Саврасова слышу,
Как есенинско-пушкинский стих.

* * *

Лес редееет. Хороводом
Листья кружат надо мной.
Рыже-мокрой непогодой
Переполнен шар земной.
Не об Африке, конечно, –
О России говорю,
Где встречали мы извечно
В жизни первую зарю.
И в плену разноголосий
Душу тронули стихи.
А потом – лихая осень
Хной подкрасила виски.
Где любили до ухода
В безвозвратный мир иной...
Рыже-мокрой непогодой
Переполнен шар земной.

* * *

Замолкает лес. Отпел своё.
Шепелявит листьями сухими.
Провожают роща и жнивье
В теплый край пернатую стихию.
Долго ей придется поблукать,
Прежде чем до Африки добраться.
Только нам уже не привыкать
Стужи предстоящей дожидаться.
Лишь бы не закончились дрова,
Не промерзли пашни под снегами.
И в душе не выдохлись слова,
Что в ночи становятся стихами.

* * *

Без хлебов равнины опустели,
Как сады без листьев и цветов.
В край далекий птицы улетели
Под шумы заоблачных ветров.
В след за ними хочется рвануться.
Но полны тревогою одной:
«Вдруг не сможем вовремя вернуться,
Кто ж сготовит землю к посевной?!»

* * *

Над рыжей степью, над оврагом тучи
Тяжелые, как взмокшая ботва.
Березами, что высятся на круче,
На дно оврага брошена листва.
А сами, ветками переплетаясь,
Дрожат на леденеющем ветру.
Крылами б обогрела птичья стая,
Да птицы улетели поутру.
Одно осталось: выжить в холод жгучий,
А там – весна! И новая листва...
Над рыжей степью, над оврагом тучи
Тяжелые, как взмокшая ботва.

ДУБНЯК

Что ж ты листья не держишь, дубняк,
Уподобился старцу, обмяк,
На миру без одежды стоишь,
Грудю шрамов своих не таишь?
Кажешь раны от молний и гроз,
Не ворчишь, не шумишь – безголос.
Может силы истряс на веку –
Выжить трудно теперь старику?
Ты ж особых, могучих пород –
Ты ж держал на плечах небосвод!
Ухом к дубу припал, не впервой,
Слышу гул пробурлил под корой:
«Я и в старости слезы не лью,
А былинные силы коплю».

* * *

Стерню запахивает трактор —
Грядет осенняя пора,
А у нее — крутой характер,
Об этом подтвердят ветра.
Успеть бы подготовить поле,
Чтоб всё, как водится, прибрать.
Тогда пускай буянит вволю
Дождей невиданная рать.
Ветра свистят, грозя терактом...
И потому уже с утра
Стерню запахивает трактор —
Грядет осенняя пора.

* * *

Топтал асфальт почти все лето,
Из города не выезжал.
Теперь и песня лета спета,
А песню не услышал, жаль.
Куда по осени податься,
Когда возьмут в полон дожди.
И суждено всему остаться,
Как песне лета, позади?!

* * *

Но скоро ветер засвистит,
На лес, как дьявол, страх набросит.
Грозою даль перекрестит
И хрипло скажет: «Здравствуй, осень!»
И загорчит такая жизнь,
В которой можно и разбиться ...
Но все ж, дружище, продержись,
Не дай Господь мне ошибиться.

* * *

Сеет дождь почти неделю.
Осень встала на дыбы.
Тащишь ноги еле-еле
От избы и до избы.
А случится в жизни тяжелой,
Святой Господи, прости,
Ублажит дружище бражкой –
Забуксуешь на пути.
Выход есть: уладь с хозяйством,
Печку вздуй, читай стихи.
И запомни без зазнайства, –
Шутки с осенью плохи.

* * *

Что ж ты, осень, подруга игривая,
Продолжила меня до костей?
Не сберегся под верною ивою,
Не сберегся среди тополей.
Еле шлепаю к дому желанному,
А с меня, словно с дерева, льет.
Брежу я предстоящею ванною,
Если стопка в пути не спасет.
В дом войду: «Вы такого не видели? —
И добавлю, как можно скорей —
Это осень-подруга обидела
За любовь беззаветную к ней!»

* * *

Костер догорает, как день полумрачный,
Зарывшийся в тучах, как в травах густых.
Спускается ветер в кустарник невзрачный,
Последний шуршащий баюкая стих.
Костер загашу. И котомку за плечи —
Неблизкий мне путь предстоящий грядет.
А вечер, конечно, при дружеской встрече
Итог полумрачного дня подведёт.

Тропинка листьями завалена,
Шуршу неспешно я по ней.
Алес молчит судьбой подавленный,
Раздет до крохотных ветвей.
Прикрыться нечем для приличия,
Швырнули тучу бы ветра.
Ни воркотни, ни свиста птичьего –
Оглохли звонкие утра.
Слышней природы увядание,
Уходит медленно тепло.
Скорей бы что ль похолодание,
Хоть и нежданное, пришло.
Лесов бы голые опалины
Собой завесил снеговой...
Тропинка листьями завалена,
Шуршу неспешно я по ней.

ВЕТЕР – УДАРНИК

Ветер осенью ударник,
Постоянно весь в труде:
Раскурынился кустарник,
Словно клушка на гнезде.
Речка в берег дышит пеной,
Тучи падают в реку.
И грачу, как в тишь, степенно
Не сидится на суку.
Пламя выюжится и вьётся
От пылающих костров.
Крона мечется и рвётся
С облетающих лесов.
Древний дуб скрипит до пота,
Сушняками взят в полон.
Это ветра всё работа,
Потому ударник он!

Брожу по берегу, а он шуршит,
Запорошенный листьями сухими.
Меня погода чуточку страшит:
Как бы ветра не бросились стихийно?
Замечутся, завьюжат, засвистят,
Швырнут мгновенно ворох листьев в реку,
Стихи мои без листьев загрузят,
И радости не будет человеку...

ВОРОНА

Ты чем недовольна, ворона,
Раскаркалась – моченьки нет.
Не нравятся рыжие кроны? –
Так осень явилась чуть свет.
Что тучи ползут дождевые
И холод нежданно грядет? –
Учили тебя не впервые
В столетиях былинных невзгод.
Выходит опять проморгала...
Не трачу ни время, ни слов.
Тебя образумить, бывало,
Не смог и мудрейший Крылов.

* * *

Пора домой. Крадётся вечер.
От вётел тени всё длинней.
Последний лист упал на плечи,
Со мной простясь до новых дней.
Еще остаться б, встретить вечер,
Да вижу надо поспешать.
Вот воробьи собирают вече,
А им – не следует мешать.

ВОРОБЕЙ

Из божьих птиц люблю я воробья,
Который предан воробьиной стае.
Негромок, неприметен, словно я,
Какая бы ни грянула беда.
Ни в ливень, ни в жару, ни в холода
Родной земли вовек не покидает.

После долгой задиристой стужи
Снова к нам возвратилось тепло.
Солнце встало и выпило лужи,
Небо синью опять зацвело.
На глазах оживилась природа,
Многолюднее стали дворы.
И вдали за речным переходом
Пастухи погасили костры.
Облепили ветельник вороны,
Гимн теплу огласив вразнобой.
А тропинки зовут непреклонно
Стадо тучное на водопой...
То не чудо в природе, а было
Так издревле тепло на Руси.
Нынче осень слегка подзабыла
Бабье летушко в срок пригласить.

* * *

В лесу осеннем холодно и сыро.
Земля прикрылась мёртвою листвою.
Ворона выясняет прежним сыром
Взаимопонимание с лисой.
Былое возвращается. И снова
Мне слышится мятежный Аввакум,
Возвышенное пушкинское слово,
Чреда веселых и не очень дум.
Дохнет из леса стужею осенней –
И с прошлым кану я в небытие...
Перечеркнул размашистый Есенин
Сырое словотворчество моё.

* * *

Страшит октябрь похолоданием.
Волна темней и тяжелей.
Леса – сплошное увяданье,
Доносят пашни гул полей.
Чернее самой черной тучи,
Что над землей, как смерч, клубит,
Ворона старая на круче
О лете, каркая, скорбит.

* * *

Грибы выискивать устали –
Да не беда, коль нет так нет!
Хоть верст в избытке намотали,
В очах стал рыжим белый свет.
И всё ж, придя в родные сени,
Легко мне выдохнуть родне:
«Я счастлив тем, что в день осенний
С природой был наедине!»

* * *

Березы голы. Листьев нет.
Овраг осиротел.
И белый свет, и серый свет
Пернатый мир отпел.
Лесник спилил, собрал сушняк –
Торчат седые пни.
И дышит холодом сквозняк,
И всё короче дни.

* * *

Асфальт заляпан листьями.
Сентябрь дождит с утра.
Рябиновыми кистями
Трясут в саду ветра.
А туча прячет просини,
Пророча холода...
Сметает дворник с осенью
Мгновенья и года.

* * *

В безлистый лес идти не хочется,
Но коль свернешь в немую тишь,
Уверен я, что одиночество
Еще сильнее ощутишь.
Не потому, что свыкся с городом,
А потому, как дождь бубнит,
Что лес безлистый дышит холодом,
А холод душу леденит.

* * *

В лесу октябрьском не укрыться
От передрогших сквозняков.
К тому ж, с тропинки можно сбиться –
В пути не встретишь грибников.
Деревья ветер гнет и клонит.
Дождями хлещут небеса...
Да кто ж меня из дома гонит
В такую непогоду в леса?
Никто не гонит. Сам до воли
Охоч с дремучих детских лет.
В миру без леса, как без поля,
Не будет полным белый свет.

* * *

Последний день седого октября
В небытие отправился с дождями.
А в ночь, внезапно, стылая заря
Урал перечеркнула холодами.
Стеклянным утром дворники мели
Осколки звонких листьев разноцветных.
Не только осень таяла вдали,
А жизни ускользали незаметно.

* * *

Дождь и снег. Безлистые деревья.
Корчась, костенеют на ветру.
Самое задористое время
Отдаваться слову и перу.
Но душа, как в клетке птица, бьётся,
А благую песню – не поёт.
Строчка не родившаяся рвётся,
Пропастью кончается полёт.
Неспроста природа прокричала:
В лихолетье радость не запеть.
А поэту надо бы сначала
На крутом ветру окостенеть.

* * *

Морозец был. А в полдень в рощу
Вошел и ахнул: «Боже мой,
Ветра листвою не полощут –
Листва прикрыла шар земной!»
А лес, как голый перед баней, –
Срамное место не прикрыть.
Стоит, готовый к горькой брани,
Кого не ведая, корить...

Ноябрь не снегом, а дождём
Колотит землю, что есть мочи.
Промокли сад и двор, и дом,
Что непогодой озабочен.
А мне кручина ни к чему –
Я повидал на свете много.
Хоть вроде рано бы во тьму,
Но всем заказана дорога.
Конечно, каждому в свой срок,
Об этом знает в мире всякий...
Друзья, входите на порог –
И к черту слабости и слякоть.
Пожалуй, встреча стоит свеч
Разгоним стопкой в сердце тучи!..
Но растоплю сначала печь
Не для тепла, а так – на случай!

* * *

Расхлупилась ноябрьская погода,
Смешала круто с грязью дождь и снег.
Неприбранная осень пред уходом
Непостоянством поразила всех.
Не видно солнца в тихом листопаде,
Ни паутин на рвущихся ветрах.
Ни рек густых в румяно-рыжей глади,
Ни сушняка в бунтующих кострах.
Казалось, мраком задохнуться можно,
Не вытянуться в рост, наверняка.
Но, к счастью, на душе не так тревожно,
Коль на бумагу просится строка.

* * *

Очередную осень провожаю,
Запоминаю чуть не каждый миг.
Пейзажами цветными загружаю
И песню журавлиную, и стих.
Но только, расставаясь, не кручинюсь,
А может, если чуточку, грущу.
И все-таки кручину, как лучину,
Из леса уходя, в костре гашу!

* * *

Рассвет над Камой влажно-мглистый,
Давно такого не видал.
Прибрежный лес почти безлистый,
Что было – берегу отдал.
А сам стоит от ветра ежась,
Мол, не ко времени озноб.
Наверно, думает, тревожась:
Когда ж к стволу прильнет сугроб?..

* * *

Дождались и снега, хотя и не ждали.
Но что же поделать? – Предзимью пора.
Набросило поле искристые шали,
Которые тихо кудрявят ветра.
Наверно, всего совершится премного:
Убудет, прибудет – не буду гадать.
Но хочется снова, как птицу, ей-богу,
В сиреневых долах весну увидеть!

* * *

А вот и календарная зима,
Но лютой стужею совсем не дышит.
Слегка лишь припорошила дома,
А если поточней, – конечно, крыши.
В былые годы – сравнивать смешно! –
Пурга взрывала вечные просторы.
Буянила, как старое вино,
Равнины оборачивая в горы.
Земля и высь – сплошная круговерть.
И день, и ночь в окошках свечи тлели,
Чтоб странники не сбились. А теперь? –
Зима пуста без пушкинской метели!

* * *

Ни метели, ни мороза
Всплески луж по декабрю.
Не зима, а просто слезы! –
Вот и верь календарю.

* * *

Предзимье расплакалось.
Оттепель снова.
Развенчана слякотью
Стёжка до крова.
В сараи не выбраться –
Грязь по колено.
А тучи все дыбятся,
Рвутся из плена.
Осталось мгновенье
И – катастрофа:
В поток вдохновения
Выльются строфы!

* * *

Снег с дождём перемешались.
Над землей зависла мгла.
В берегах речушки сжались,
Пригорюнилась ветла.
Слезы катят с тощих веток,
Как дождевики с голых вил.
На поля, взбодрившись, ветер
Студный север натравил.
Поползли, как табор, тучи,
Часом рухнут в огород.
То ли зиму осень учит,
Толь зима наоборот.

* * *

Среди полупустынных площадей
Асфальт продрог от снега и дождей.
Как сказки детства, лето позади –
За пятьдесят морозы впереди.
Заранее тревогу не избыть:
Как в холод мне души не застудить?

* * *

Стало в мире беспокойно –
Вьюга хлынула в село.
Из души, когда-то знойной,
Холод выстудил тепло...

* * *

Овраги снегом заросли –
Не видно даже края кручи.
А ветер тащит издали
Ещё грязней и гуще тучи.
Сравнять с землёю норовит
Холмы, чащобы и селенья,
Мол, век царила и царит
Одна зима во всей вселенной.
И получается с лихвой:
Пространство стонет, в самом деле,
В плену державы снеговой,
Пока не выдохлись метели.

НОВОГОДЬЕ

Началось новогодье с морозов
В крепкой связке с разбойной пургой,
Словно льдины, от стужи березы
И трещат, и скрипят над рекой.
Под метельною кручей, в испуге,
Со зверьём шебуршат воробы.
До ближайшей избы по округе
Ни следа, ни бывлой колеи.
Лишь сугроб на сугроб громоздятся –
Даль качают верблюжьи горбы.
Как же страннику было добраться
В давний век до родной городьбы?
Сколько их, сиротин горемычных,
Потонуло в снегах на века?!
Вьюга ведает голосом зычным
О замерзшей судьбе ямщика.
С каждым мигом пронзительней, звонче,
Словно жизнь, обрывается стих –
«Однозвучно гремит колокольчик»
В неизбывную память о них.

* * *

Распоясался мороз
Не на шутку
Обронил среди берёз
Самокрутку.
Даль клубится и дымит,
Взгляд туманит.
Тройкой пушкинской звенит,
Душу ранит.
Колокольчик сквозь века
Бьет тревогу,
Чтобы вызвать ямщика
На дорогу,
Где мелькнет свечой изба,
Ельник синий.
Ты, как песня, мне любя,
Мать - Россия!

* * *

Пургой завешано полсвета –
Заброшен я в дремучий век,
Где нет ни осени, ни лета –
На тыщи верст клубится снег.
Ни сел, ни вех. Куда податься,
Когда сугробы тычут в грудь?
Всего на миг оврагу сдаться –
И оборвётся краткий путь.
Ая, пурги не замечая,
Бреду, но знаю не впервой:
Коль ямщика не повстречаю,
То сгину в бездне снеговой.

* * *

Не пишется в холод жестокий —
Насквозь промерзают мозги.
Не только не вымучить строки,
Но даже единой строки.
Всё рухнуло в пропасть куда-то,
Казалось, я книг не писал,
Не радовал душу оратай,
На свадьбах друзей не плясал...
Метели крылатою стаей
Взмывают, как страшные сны.
Дай Бог мне, как вербе, оттаять,
Хотя бы в середине весны.

СВЕТ ЗИМЫ

Клубилось небо радужною синью,
В кустарнике потрескивал мороз.
И было удивительно красиво
От света снега, солнца и берез!
Играла лихо блестками опушка,
Помеченная свежело лыжней.
Вдали сугробом дыбилась избушка,
Чаруя необычной белизной.
Творилось пред очами обновление
Патриархальной некогда глуши.
И таинство, и гордость, и волнение
Выплескивало песней из души.
Иду тропой, не чувствуя мороза,
А рядом дышат рощи и лога.
Снегами продолжаются березы,
А может быть, березами – снега?!

Меня лихие электрички
Умчали к черту на кулички,
Где мир таёжный застит взгляд,
Где и Макар не пас телят.
Вокруг ни стёжки, ни дорожки.
И только теплятся окошки.
Видать сквозь тьму издалека –
Горит свеча у лесника.
На огонек пойду, пожалуй,
Навстречу вьюговерти шалой.
Лесник, познавший сеть потерь,
Дай Бог, не выставит за дверь.
Попьем чайку да перекурим,
О том, о сём побалагурим.
Иконке тихо помолюсь
И в сны, как в детстве, провалюсь.
А в детстве сны – не сны, а диво!
Отец и мать, конечно, живы...
Да сон, увы, во мне застыл –
Лесник в сторожку не впустил.

ТАТЬЯНИН ДЕНЬ

Т. Снегиревой

Танюша, Танечка, Татьяна,
Ты платье лучшее надень,
Сегодня славно и желанно
Встречает мир Татьянин день.
Великомученица Рима,
Одна из древних Татиан,
Ушла от нас непобедимой
В святой мольбе за христиан.
И с тех времён в различных странах
Ее возносят, любят, чтут.
Певучим именем Татьяна
Всё чаще девушек зовут.
Их воспеваем постоянно
За дивный лик, что Богом дан,
От верной пушкинской Татьяны
До наших радужных Татьян.
Танцуйте, радуйтесь, парите,
Отринув студные ветра,
Любовь, как музыку, творите
Во имя счастья и добра.

Чтоб даль цвела простором синим,
Не зная бури, зла и бед.
Чтоб вами Родина – Россия
Дарила людям мир и свет.
И не помеха вам бураны,
И что летят за днями дни.
Великорусские Татьяна,
Люби Господь вас и храни!

* * *

Забуранил, завьюжил февраль,
Перепутал который по счету.
Располнела, поправилась даль,
Воробьи схоронились в ометах.
Дым струится из тёплой трубы,
Печь жуёт за поленом полено.
И сугробы встают на дыбы
Посредине извечной Вселенной.
Не дай Господи, путник лихой
Затеряется в стуже скрипучей.
Не спасет колокольчик глухой,
Что гремит из столетий дремучих.

* * *

Вымерзла ночь. Замаячил рассвет.
Вьюга февральская даль замутила.
Но из окошек затеплился свет –
Печки село, не спеша, затопило.
И полетело в пространство тепло.
Заговорили калитки и двери.
День начался необычно светло.
Только в хорошее хочется верить!

* * *

Февраль ещё куражится,
Но всё к тому идет,
Что скоро снег отважится
Нырнуть в пучину вод.
Едва лишь солнце ласковей
С весной заговорит.
И небо синей краскою
Над миром воспарит.

И тут как тут окажутся
Грачи наверняка...
Хотя февраль куражится,
Но это лишь пока.

* * *

От молочая до кипрея
Под ноль поля позёмка бреет.
Дрожат кусты на сквозняке.
Село маячит вдалеке.
Из труб дымы, качая небыль,
Несут тепло печное в небо,
Чтоб в ночь морозу не крепчать.
Пора, пожалуй, март встречать!
Забыв и сплетни, и мороки
На крышах греются сороки.
Сорочий мир из века в век
Спасает в стужу человек.

* * *

Под утро солнце проявилось,
А к полдню – выдохлась метель.
Зима, видать, утомонилась,
Коль с мартом спутала апрель.
Сопротивляться перестала...
И мне взгрустнулось на заре:
«Ещё одной зимы не стало
В моем худом календаре».

УТРО

На тропе мороза блестки.
Утро солнцем зацвело.
Любопытные березки
Засмотрелись на село.
А село давно проснулось.
Ветер вербы закачал.
Грузовик охрипшим гулом
Петухов перекричал.
Мимо речки, мимо клуба,
След оставив на снегу,
Покатили лесорубы
В гости к лешему в тайгу.
Трубы в небо дружно курят –
Сквозняки дымы ведут.
А по тропке, балагурия,
Воду женщины несут.
Так вышагивают бодро,
Будто вышли завлекать.
И ни груди, и ни ведра
Не боятся расплескать.
Разыгрался пуще ветер,
Лёгким облаком трясся.
Ах, как празднично на свете
День рабочий начался!

ЛЕСОРУБЫ

Нашвыряла пурга сугробов,
Не пускает в тайгу весну.
Пробираются парни в робах
На делянку – валить сосну.
Сорок пятым размером месят
Ветром взвихренные снега.
Не до шуток теперь, не до песен –
На дыбы перед ними тайга.
Сосен грузных едва касаясь,
Зверь уходит своей тропой.
Бензопилы в стволы вгрызаясь,
С визгом рвут вековечный покой.
Все смешалось: тайга и небо,
Но ребятам таким не впервой!
Фейерверки опил и снега
Зависают над головой.
И работа кипит, а роботы –
Не сгореть чтоб от пота в пыли, –
Как в жару, с мокрых спин – в сугробы
Разом все! – И опять за пилу!
И тепло от ребят струится,
Будто в засуху от земли.
А не так ли весне трудиться,
Чтоб ручьи по тайге легли?!

* * *

Густыми крылами прошлепала птица,
Метелица катится с лысой горы.
В клокастом тумане округа клубится,
Тускнеют дороги, деревья, дворы.
Немного еще – и, объятый дремучьем,
Провалится мир в откипающей мгле,
Но звон колокольный напомнил певучьем,
Что жизнь продолжает свой путь на земле!

* * *

Снег и дождь. Весна капризна,
Как от века жизнь сама,
Где и праздненство, и тризна,
И свобода, и тюрьма.
Пусть в дороге и коснётся
Доля тяжкая не всех,
Но, увы, мой друг, придётся
Принимать и дождь, и снег.

* * *

Солнце выпило снега —
Обнажила верба ребрышки.
Зачирикали воробышки,
Оживляя берега
Речка, вздыбивая льды,
И таращится, и колется.
В травах некогда околица
Превращается в пруды.
Прожит стужный, тяжкий год.
Жизнь, как тропка, выпрямляется.
Верю в то, что обновляется
И природа, и народ!

* * *

Над Усть-Качкой синевою
Размахнулись небеса.
Предапрельскою весною
Переполнились леса.
Как от пахарей усталых,
На горе и под горой
От стволов уже подталых
Тянет влагою земной.

Хоронясь, к оврагам жмутся
Ноздреватые снега.
Над зимой ручьи смеются,
Разрезая берега.
Половодьем даль родная,
Лед ломаючи, глядит.
Грач, восторга не скрывая,
На проталинке сидит.

* * *

К сосулькам солнце прикоснулось –
Кап-кап закали они.
Тепло апрельское вернулось,
Грядут сиреневые дни.
Последний снег овражек прячет.
Грачи озвучивают синь,
Влажнеет даль, а это значит –
Весна ручьится по Руси!

* * *

Смурной туман и мелкий дождь над Камой.
Конечно, неуютно: грязь и мрак.
На берегу холмистом плачут храмы,
Вселяя в душу таинство и страх.
Отдался б, не задумываясь, грусти,
Но только бы в другие времена.
А нынче не до грусти, коль над Русью
Молитвой дышит вербная весна!

* * *

Целует солнце небо,
Как в древности Христа
Пушится охрой верба,
Ветвями люд крестя.
Наверно, счастлив каждый,
Увидев мир благой,
Откажется от жажды
Какой-нибудь другой,
Когда среди угодий
Плывет со всех сторон
Колоколов господних
Пасхальный перезвон!

* * *

Вместо выдохшейся стужи
С крыш капли звонкий смех.
Оборачивая в лужи,
Солнце льет последний снег.
Как по-щучьему веленью,
Голосисто и светло,
По-есенински сиренью
Забуянило село.
Я лечу в селенье это,
Жажда видеть молодых.
От весны, от первоцвета
Аж захватывает дух!

* * *

От стужи оттаяли дали.
Обрушился солнечный свет.
Из трав одуванчики встали –
Горячему лету привет.
Река за рекою стихает,
Берега половодья теснят.
Влюбленные парни стихами
Девчат до зари полонят!

* * *

Просветлело. Холод сгинул.
Пар над речкой за клубил.
Придорожную рябину
Облепили воробьи.
Тишина разбилась в клочья –
Обронил рыбак весло.
В мир, как выдох между строчек,
Солнце жизнью потекло!

* * *

Согрелся майским солнцем лес,
Ручьи заметно посветтели.
И жаворонковые трели
Упали песнями с небес.
Взбугрившись, вспенился простор
Сирень-черёмухой младою.
И к горизонту посевною
Ладони-пашни распростёр!

* * *

Пусть взяты временем в тиски.
И напрочь выцвели виски.
Всё чаще давит в грудь усталость,
И зим-то вроде не осталось,
Но это вовсе не беда,
Коль мы и в злые холода
И встречу водкой размешали,
И всласть березами дышали.
А в них не только боль и грусть,
А в них ещё – святая Русь,
С которой мы не расстаёмся,
И не одну весну дождёмся!

КРЕСТЬЯНИН

В зной крестьянин просит небо:

«Дождь, родимое, пошли».

Знает каждый, что без хлеба,

Как без речек журавли.

В дождь крестьянин просит небо:

«Хлеб, родное, не залей».

Знает каждый, что без хлеба,

Как ромашки без полей.

Только раз не просит небо,

Что просить, когда зима,

И полны богатым хлебом

Золотые закрома!

Наговориться не успели,
Всего-то были день-другой.
Хотели мы иль не хотели,
А время сгнуло тропой.
Тропа в тумане растворилась,
Туман легендою пророс.
Ах, неужели мне приснилось,
Что мы сидели у берёз?
Стихи читали, пировали,
Бросая в степи жадный взгляд.
Где зной упрямо жарил дали,
Как много осеней подряд.
Плескалось небо и светилось,
Качая галок и ворон.
И если это и приснилось,
То явью обернётся сон.

* * *

Татьяне Востриковой

День до донышка просвечен
Солнцеликим сентябрём
Подпалила клену плечи
Птица огненным крылом
Подожгла березник тихий,
Куст рябиновый, траву,
Всколыхнувшись, пламя лихо
Поднялось под синеву.
Красок бездна, красок море,
Как тепла от светлых строк,
От пожара нету горя –
Только радостей поток!

* * *

Как могу, ребятам помогаю
Больше тем, которые в селе,
Чтоб они ходили не по краю,
А стояли крепко на земле!

* * *

Стихов не счесть про камыши,
А песен, знаю я, тем боле.
И строки вроде от души,
В них боль, любовь, величье, воля.
Идут года и времена –
Томами песни обернулись,
А вечной – стала лишь одна:
«Шумел камыш, деревья гнулись.»

* * *

Пусть кому-то душу гложет
Доллар в дальней стороне.
Ну а мне всего дороже
Взлет кувшинки на волне!

* * *

От жары и ветка треснет,
Закипят река и пруд,
Оборвутся птичьи песни,
Даже ветры не вздохнут.
Сил не будет у сороки
Сплетню миру сообщить.
А поэт – не сможет строки
В зной несносный завершить.

* * *

Легко с природой петь и говорить,
И птицей поднебесною парить.
Одним крылом касаясь облаков,
Другим – доисторических веков.
Леса, овраги, степь обозреть,
Когда земля не мачеха, а мать!

* * *

Поклоняясь, картуз снимаю,
Что-то кладбищу шепчу.
Жгу заветную свечу...
И не то, что поминаю –
С прошлым встретиться хочу!

БЕДА

Плохо знаешь нас, беда,
Жили мы и в холода,
И в морозы, и в метели
Коченели, но терпели.
Выжигал нам души зной
И бесхлебьем, и нуждой,
Хоть тащились еле-еле,
Да не плакали, а пели!
Песня слёзная была,
Но в могилу не свела.
Пережили и ненастье,
И неправедные власти
Передюжим ложь и гнусь,
Коль взбугрит святая Русь.
Вот тогда, беда-злодейка,
Нас, попробуй, одолей-ка!

ЛУНА

За балкон зацепившись, луна
Жёлтым светом в окошко сочится.
Чуть на цыпочки встав, тишина
Не в квартиру, а в душу стучится.
Что ж, входи, я сегодня один,
Будет вместе о чем погутарить.
Вспомним, как посредине равнин
У костра подпевали гитаре.
И дышали стихами поля,
Не беда, что с горчинкой полыни,
Но вокруг дорогая земля,
Что продолжится в дочке и в сыне...
Были б думы и в горе, и всласть.
Были б речи красивы и долги,
Но с балкона луна сорвалась,
Расколов тишину на осколки.

ДОМИК ДОЩАТЫЙ

Рассыпается домик дощатый,
А мечтал обустроиться в нём.
Не однажды он был перелатан
На веку деревянном своём.
Но жестокие вьюги и грозы
Били крепко его, не щадя.
Сквозь окошко горючие слёзы
Прожигали без капли дождя.
Продырявились крыша и стены,
Дверь повисла на старом шнурке.
Обустройство моё постепенно
Затонуло, как миф, вдалеке...
Да чего ж я кручинюсь, ей - богу,
Как додумать до этого смог?
Что там домик, коль жизнь, как дорога,
Ускользает легко из-под ног.

ЛИСТВА

По весне листву боготворили,
Прославляя в песне и в стихах.
А под осень, чтоб ни говорили,
Втаптываем в землю впопыхах.
Развенчав цветастое убранство,
Зиму принимаем не спеша.
Не с того ль, мой друг, непостоянства,
Раньше срока старится душа?

УРАГАН

Трое суток гудел ураган,
Превращая страну в балаган.
Под глухие раскаты громов
В бездну сбрасывал крыши с домов.
Вековые рвал небеса,
Выкорчёвывал с корнем леса.
А когда он свалился без сил,
У природы прощенья просил...

* * *

Уйду подальше от людей –
Наоборот когда-то было:
Любил я жизнь, и верил ей,
Да и она меня любила.
Но что ж теперь душой продрог? –
Видать, стремительно старею.
А может, да простит мне Бог, –
Я не старею, а мудрею?!

* * *

Незабвенный Василий Ефремыч,
Только чутку гармонику тронь,
Как зажжётся полынной поэмой
Вековое созвездие Пронь.
Запоеет, зазвенит, разольётся
Половодьем Пушкарских степей.
Колокольцем в тиши отзовётся
Над священной могилой твоей.
Наши души, как птицы забьются –
Будут рядом и вечность, и миг.
Неземными ручьями сольются
Голос мертвых, и голос живых.

* * *

Зачем о прошлом думать и скорбеть? –
Оно теперь безоблачно и пусто.
А вот достойно нынче умереть,
Пожалуй, в мире высшее искусство!

* * *

Ночь не сплю. Вторую тоже.
Душу жгут ветра.
Время путь земной итожить,
Видимо, пора.

Глухая ночь висит в округе.
Упрямо тени вдаль растут.
Не звал бессонницу в подруги,
Она же рядом – тут как тут.
Мозги безжалостно морочит,
Как прежде, бездной дум страшит.
А мне б смежить на время очи,
Хоть мимолетный сон свершить.
Перед очами проплывают
Давно минувшие года.
Пути былые забываю,
Как ливень, зной и холода.
Родных, друзей ушедших лики
Бледнеют в памяти моей.
Не сосчитать их невеликих,
Как деревень среди степей.
Они ушли, а мы за ними –
Не засидимся на земле.
Дожить бы век, судьбой хранимы,
В добре, в достатке и в тепле...

Июльский день. Голубизна.
Цветастый мир широк и вечен.
Едва касаясь ног, волна
Мне что-то доброе лепечет.
Хотя, признаться, о добре
Почти не слыхивал давненько,
С тех пор, когда не при царе
Мою убили деревеньку.
А с нею люди полегли,
Собой погост омолодили.
О них, от родины вдали,
Слагаю праведные были.
Но власть не хаю, не кляню,
Стараюсь просто разобраться:
Да как смогли отдать страну
Российским лживым иностранцам?..
И всё ж поклоны доброте,
В которой чувства не измерить.
Дай Бог, на финишной черте
Во что-то доброе поверить!

* * *

Репейник засыхает и бурьян,
Кустарник обнажился до предела.
Блестит холодной лысиной курган,
С последней стаей осень отлетела.
Спешит, что трудно удержать.
Как долго ей на спинах птиц качаться!
Я не люблю кого-то провожать –
Предпочитаю в радости встречаться!

* * *

Тетюевой – Малиновской Т.М.

Какая радость! Каждый день
Я небосвод парящий вижу.
Я вижу, как ложится тень,
Волна песчаный берег лижет.
Младая женщина в реке
Бельё цветастое полощет.
А за рекой невдалеке
Шумит березовая роща.
Над светлой рощей виражи
Легко накручивает птица...
Я вижу мир! Я вижу жизнь,
Которой вечно в людях длиться.

Иду всё тем же русским полем,
Как сорок августов назад.
Такие ж вроде ширь и воля,
Но где же детство, дом и сад?
Зову я детство – детства нету.
Зову я маму – мамы нет.
Ищи-свищи по белу свету –
Для них повыцвел белый свет.
Молчат, как сгорбленные тени
Засохших ветел и садов.
Не оживит их птичье пенье
В преддверье новых холодов.
Чего ж тогда глядеть уныло? –
И тополя уже не те,
И речка русло изменила,
И я на горестной черте.
Отпели годы и пропали –
О них не стоит горевать.
Пора другим родные дали
И засевать, и воспевать.

* * *

Разбуянились вороны,
Крик горластый не унять.
Их протест могу понять,
Что пред холодом короны
Лес решил, как шапки, снять —
Негде стужу скоротать.
Потому и раскричались,
Только зря митинговать.
Никому не миновать
Холод, зло, нужду, печали,
Даже смертную кровать —
Жизнь есть жизнь,
Чего скрывать?..

* * *

Ноябрь ежедневно дождит.
Беззвучною рощица стала —
Листочков почти не осталось.
И душу до сна холодит
Природы благая усталость.

* * *

*«Редеют леса на Урале...
Да если бы только леса!»*

В. Радкевич

Иду не в народ, а на волю
В леса или в степи, бог весть,
Когда преступлений в недоли,
Как шрамов на сердце, не счесть.
Костер, не спеша, разжигаю...
Да если бы только костёр!
Хожу я у жизни по краю,
Который капкан распростёр.
Случится, как старая птица,
Не дай-то Господь, предскажу,
Достаточно лишь оступиться,
Как в смертный капкан угожу.
Ни с кем не делюсь я, не спорю,
Но знаю, конечно, о том,
Что в жутко-гнетущее горе
Не вылечу душу костром!

ПРИРОДА

Идут у пропасти по краю
Цивилизации, века.
Потом тихонько умирают,
Как птицы, звери, облака.
И звезды мрут, и небосводы,
А человек – клоню к тому! –
Соединяется с природой,
Чтоб стать природой самому!

Улетают птичьи стаи,
Возвращаются не все.
Дни природа не считает,
Дремля в лесополосе.
Да зачем считать природе
Зимы, годы, времена,
Если знают все в народе,
Что бессмертная она?!

Ты мне, как Родина, природа
От песен птахи до жнивья.
А значит – мы одна семья
Из хлебопашеского рода,
Как родословная моя!

РУСЬ РАССВЕТНАЯ

Даль необъятная хлебом засеяна,
В небо кувшинками реки глядят.
Голос Шаляпина, муза Есенина
В рощах берёзовых вольно звенят.
В годы тревожные, плача и радуя,
Машут чубами с холмов ковыли.
Русь начинали благие оратаи –
Сила и гордость славянской земли.
В поле взъерошенном храбрые русичи
После побед под курганами спят.
Ветры гремучие, сказы певучие
Свято над ними травой шелестят.
Каждой ромашкою, веткой смородины
В нас прорастают, как песни, слова:
Живы мы верною крепостью Родины,
Нами Россия навеки жива!

СОДЕРЖАНИЕ

Слово о поэте	5
«Мой отец хлебороб-землепашец...»	14
Заволжье	15
Ратники	17
Ровеснику	18
Вдова	19
В вечном карауле	20
«Война убила сыновей...»	21
«Как ветер листья на ветле...»	22
Обелиск	22
Русский солдат	23
Фронтовик	24
Победа	26
Участник битвы мировой	27
Фатьяновские песни	29
«Война закончилась давно...»	30
«Дождик мелкий...»	30
«Чтоб не слышать...»	31
«Год двухтысяча пятый...»	32
«Мне зла по жизни...»	32
«Я солнца жду...»	33
«За мост...»	34
Коровы	35
«К вражьей силе...»	36
«Борзописцы многие...»	36
«Учили доброте...»	36
«Опять ударили...»	37
Старуха	37
«Учитель стал не нужен...»	38
«Посмотрел...»	39

Мельзавод	40
Пожар	42
«У власти нет ответа...»	43
«Скорбит страна...»	44
«За болью боль...»	44
Отчему краю	45
«Хворь, нужда...»	46
«Зло творят...»	48
«В перерывах между снами...»	48
«Гвоздит безжалостно...»	49
«Чрез тыщи взвихренных дорог...»	49
Маргарита	50
Письмо	54
«Приехал с родины...»	55
«Тополиный питомник...»	55
«Ветла. Цветы...»	56
«Село утомилось...»	56
Вечер	57
Река	58
«Ночь зашторила...»	59
«Березки вцепились...»	59
«В степи с дороги...»	60
«Когда меня...»	61
«Всплыло солнце...»	62
«Вместо зноя...»	63
«Холода, как псы...»	64
Семигорье	65
«Ветра на части...»	66
«Разыюлилась жара...»	66
«Над полями виснет...»	67
«Зной спалил...»	68
«Зной угас...»	68

«Шелохнулся ветер...»	69
«Свечерело...»	69
Сказка	70
«Осина ростом...»	72
«Август внезапно...»	73
Вечность и быль	74
«По душе мне дух...»	75
«От бобров...»	76
Пушкин	77
Лермонтов	88
Полонский	90
Саврасов	92
Толстой	93
Бунин	96
Есенин	98
Василий Каменский	101
Звезда бунтующих полей	103
Радкевич	105
Опавший лист	107
Читая Дмитриева	109
Памяти Виктора Маликова	111
В доме учителя	113
Не стало творца	114
«Похоронили...»	115
«Поблекли яблони...»	115
Зыкина	116
«Теряем друзей...»	116
Диорама	117
Спешиловский свет	119
Дневник	121
Актёр	123
Юбиляру	124

Холсты	127
Душа художника	129
Другу писателю	133
И. Маматову	135
«Как бы ни было...»	135
«Спокойная, тихая Кама...»	136
В Москве	137
«Меня пожалуйста...»	138
«То было в юности...»	139
«Не жду твоих...»	139
«Упала с плеч...»	140
Купальщица	140
На пляже	141
Красавица	142
«Задумано многое...»	143
«Еле держат...»	144
«Бабье лето...»	144
«По бокам широким...»	145
«Бабье лето на исходе...»	145
«Сшибая крупную росу...»	146
«Стало холодно...»	147
«Ни грибов...»	148
«По-новому...»	148
Грач	149
«Конечно ...»	150
«Одаривал октябрь...»	151
«В степи костер...»	152
«Вчера с колес...»	153
«Разрумянилась...»	154
«Лес редееет...»	155
«Замолкает лес...»	156
«Без хлебов...»	156

«Над рыжей степью...»	157
Дубняк	158
«Стерню запахивает...»	159
«Топтал асфальт...»	159
«Но скоро...»	160
«Сеет дождь...»	160
«Что ж ты, осень...»	161
«Костер догорает...»	161
«Тропинка листьями...»	162
Ветер-ударник	163
«Брожу по берегу...»	164
Ворона	164
«Пора домой...»	165
Воробей	165
«После долгой...»	166
«В лесу осеннем...»	167
«Страшит октябрь...»	167
«Грибы выискивать...»	168
«Березы голы...»	168
«Асфальт...»	169
«В безлистый лес...»	169
«В лесу октябрьском...»	170
«Последний день...»	170
«Дождь и снег...»	171
«Морозец был...»	171
«Ноябрь не снегом...»	172
«Расхлюпалась...»	173
«Очередную осень...»	173
«Рассвет...»	174
«Дождались снега...»	174
«А вот и календарная...»	175
«Ни метели...»	175

«Предзимье...»	176
«Снег с дождем...»	177
«Среди полупустынных...»	177
«Стало в мире...»	178
«Овраги снегом...»	178
Новогодье	179
«Распоясался мороз...»	180
«Пургой завешано...»	181
«Не пишется...»	182
Свет зимы	183
«Меня лихие электрички...»	184
Татьянин день	185
«Забуранил...»	186
«Вымерзла ночь...»	187
«Февраль еще...»	187
«От молочая...»	188
Утро	189
Лесорубы	190
«Под утро...»	188
«Густыми крылами...»	191
«Снег и дождь...»	191
«Солнце выпило снега...»	192
«Над Усть-Качкой...»	192
«К сосулькам солнце...»	193
«Смурной туман...»	194
«Целует солнце...»	194
«Вместо выдохшейся ...»	195
«От стужи оттаяли...»	195
«Просветлело...»	196
«Согрелся...»	196
«Пусть взяты...»	197
Крестьянин	198

«Наговориться не успели...»	199
«День до донышка...»	200
«Как могу...»	200
«Стихов не счесть...»	201
«Пусть кому-то...»	201
«От жары...»	202
«Легко с природой...»	202
«Поклоняясь...»	202
Беда	203
Луна	204
Домик дощатый	205
Листва	206
Ураган	206
«Уйду подальше...»	207
«Незабвенный...»	207
«Зачем о прошлом...»	208
«Ночь не сплю...»	208
«Глухая ночь...»	209
«Июльский день...»	210
«Репейник засыхает...»	211
«Какая радость!...»	211
«Иду всё тем же...»	212
«Разбуянились...»	213
«Ноябрь ежедневно...»	213
«Иду не в народ...»	214
Природа	215
Русь рассветная	216

Литературно-художественное издание

ВОСТРИКОВ
Фёдор Сергеевич

У ПРИРОДЫ ЖИТЬ УЧУСЬ

Стихотворения

Рисунок на обложке – Е. Шелонникова
Фото автора – И. Гурина
Корректор – А. Лукиных
Компьютерная верстка – Н. Торопыгина

ООО «Алекс-Пресс»
614070, г. Пермь, ул. Дружбы, 34.
Тел./факс: (342) 22-00-184.
Формат 60х84¹/₃₂. Печ. л. 7. Тираж 2000 экз.